

В. Г. Смоляк

МЕЖДОУСОБИЦА

По следам нижеамурской трагедии

ОГЛАВЛЕНИЕ

Памяти товарища-----	3
Слово об отце -----	4
Вместо предисловия -----	5
Кровавый финал -----	18
Анастасьевская конференция -----	24
<i>Яков Иванович Тряпицын</i> -----	25
<i>Нина Михайловна Лебедева</i> -----	25
Партизанское движение, или составные части революционности -----	27
Поход в низовьях Амура-----	30
Связь времен -----	33
«Штурмовые ночи Спасска, Николаевские дни»-----	34
Освобожденный город -----	40
Николаевский инцидент -----	43
Николаевская коммуна-----	50
Антибуферная политика Тряпицына-----	57
Заговор против Тряпицына-----	62
Последние дни «Николаевской коммуны»-----	69
Сожженный город-----	73
Арест Тряпицына-----	87
Кровь за кровь, смерть за смерть -----	92
Заключение -----	98

Памяти товарища

Нам не дано знать о том, какие деяния надолго останутся в памяти людей. Но Виктор Григорьевич Смоляк точно знал, что созданный им Ротари-клуб в Хабаровске останется надолго. Это только время и история могут показать. И память о его отце-основателе тоже будет жить.

Виктор Григорьевич одним из первых в еще советской стране осознал необходимость создания Ротари-клуба в Хабаровске. Эта благотворительная организация, объединяющая представителей бизнеса и людей свободных профессий, возникла в 1905 г. Ее девиз — «Служение превыше себя», что предусматривает высокий уровень морально-этических принципов во всех сферах жизни, профессионализм, деловитость, поддержку идей гуманизма, служение людям. Он собрал первых пять единомышленников и начал свою миссию по внедрению ротарианских идей в наши головы. Собираться приходилось в условиях почти конспиративных, в будущем Доме приемов. В тесной комнатухе под лестницей Виктор Григорьевич стал убеждать в жизненности и привлекательности всемирного братства людей ради помощи другим. Опаску и скрытость встреч можно понять — это было еще советское время, и внедрение буржуазных идей и сект (так на языке спецорганов именовалось любое «не наше» объединение) совсем не поощрялось. А у нас на то время было вполне реальное коммунистическое прошлое и настоящее. Собственно, и всемирный Ротари-центр тоже не мог понять, почему появился клуб в каком-то Хабаровске, а не в Москве или Ленинграде. Иначе чем объяснить тот факт, что чуть ли не десяток лет наш клуб ходил в кандидатах. Объяснение простое — есть квалификационные требования для клуба: чтобы получить хартию, надо иметь 25 членов. Но Виктор Григорьевич терпеливо ждал. Невсе могли быть столь терпеливыми, многие отошли. Но никто ни разу не пожалел, что когда-то носил гордое звание — ротарианец. Более того, нам даже звание не столь дорого, сколь общение друг с другом. Многие, думаю, помнят вечера на смоляковской даче, помнят то радостное, то гостеприимство, ту открытость, которую несли такие встречи. Потом семейный дух, принцип единой ротарианской семьи старались поддержать все президенты Хабаровского Ротари-клуба, но основы были заложены именно Виктором Григорьевичем. Это стремление незаметно помочь, сделать добро являлось замеча-

тельной чертой его характера. Явно здесь сказались военное и послевоенное детство, когда ни еды, ни добра он в полной мере не получал. А другим отдавал всегда.

Виктор Григорьевич не просто перенес принципы ротарианства на нашу землю. Он был таким ярким и убежденным сторонником движения, что не только создал один из первых в СССР Ротари-клубов, но и постоянно развивал его. До конца дней своих был совестью клуба. При нем связи нашего клуба разрослись. У нас появились друзья в японской Ниигате и западногерманском Спокейне, в Южной Корее и Бразилии. Каждая семья первого, так сказать, призыва имела чисто семейные отношения с семьями американцев, канадцев. Смоляк дал дорогу в жизнь многим из ротарианцев. А уж дорогу за рубеж проложил он для большинства нынешних ветеранов движения.

И сколько бы мы ни прожили, дела в нашем клубе, стремление к общению, желание делать добро всегда будут лучшей памятью о нашем Друге — Викторе Григорьевиче Смоляке. Пока мы работаем, он с нами.

Хабаровский Ротари-клуб

Слово об отце

Мой отец был чрезвычайно разносторонним человеком: преподаватель, ученый, предприниматель, телеведущий, журналист.

Но всю свою сознательную жизнь он, прежде всего, оставался историком. Защитив в Московском государственном университете кандидатскую диссертацию в 1973 году, он до конца своих дней продолжал работать над темой «Гражданская война на Дальнем Востоке». Такую специализацию предопределили впечатления его послевоенного детства и юности, когда впервые услышал от очевидцев о событиях, происходивших на Нижнем Амуре в 1918-1922 годах.

Тема продвигалась тяжело. В 1973 году, естественно, ни о какой иной трактовке, кроме официальной, не могло быть и речи. Более того, учитывая конкретные исторические обстоятельства, не все события оценивались однозначно, они требовали дополнительного осмысления.

Размышлениям на тему белого и красного террора, партизанщины и интервенции отец посвящал много времени, часто публиковался в общероссийских и

краевых газетах. А в последние годы его интерес к тем годам и судьбам людей, вершивших историю, приобрел характер некоторой одержимости. Он пытался понять логику Якова Тряпицына, отдавшего приказ о сожжении Николаевска, представить себя на его месте, почувствовать то, что чувствовал он.

Отец хорошо знал зарубежных специалистов в этой области, лично встречался с ними, переписывался. Собирался написать большую книгу, учитывающую все имеющиеся взгляды на эту проблему, хотел еще раз приехать в Николаевск. Но не успел... Его черновики, газетные статьи, аудиозаписи стали основой этой публикации.

Григорий Смоляк

Вместо предисловия

Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшийся с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения.

В. Ключевский

В советское время историки особое внимание уделяли истории Октябрьской революции и последовавшей за ней гражданской войне. Отличительной особенностью всех работ по этой проблематике является двухцветное — красно-белое — видение российской междоусобицы. Когда исторические факты не укладывались в классическую марксистскую схему оценок прошлого, они игнорировались или подгонялись. Классическим примером такого подхода является оценка истории партизанского движения в низовьях Амура (1919-1920 гг.)

Историки и участники гражданской войны оценивают ее по-разному. Главная причина этого — трагический конец событий. Одни пишут о беспримерном героизме партизанской армии, боровшейся за Советскую власть, о смелости и находчивости ее руководства. Они отмечают и ошибки повстанцев, явившиеся результатом чрезвычайно сложной обстановки того времени. Другие положительно оценивают эти события только до момента эвакуации партизан из Николаевска-на-Амуре. Третьи в действиях партизан от начала до конца видят только анархизм и бандитизм.

Первыми авторами истории партизанского движения в низовьях Амура были сами участники гражданской войны Д.С. Бузин (Бич), О.И.Сомов, С.М. Серышев, И.С.Бессонов, О.Х. Ауссем, И.И. Жуковский-Жук и другие. Что было характерным для этих публикаций? Прежде всего, крайне противоречивые оценки имевших место событий. Например, О.И. Сомов пишет, что анархист Я. Тряпицын и максималистка Н.Лебедева в годы гражданской войны работали в полном контакте с РКП (б). «По-видимому, те ошибки, — писал Сомов, — которые были произведены в Николаевских событиях революционной властью, являлись неизбежными»¹.

На руку японским историкам — утверждение С. Серышева о том, что виновниками «Николаевского инцидента» в марте 1920 года являются партизаны².

«Выродившийся в бандитизм нарост пролетарской революции» — так оценивает действия Я. Тряпицына О.Х. Ауссем³.

И.И. Жуковский-Жук полностью оправдывает действия руководства партизанским движением в низовьях Амура, их лидеров Я. Тряпицына и Н.Лебедеву называет «народными героями», а суд над ними расценивает как «расправу над революционерами»⁴.

Объясняется такой разброс оценок очень просто. Все участники партизанского движения в низовьях Амура сразу же были поделены большевиками на сторонников и противников Я. Тряпицына. Одни получили удостоверения партизана, со всеми вытекающими из этого привилегиями и льготами, другие — нарицательное имя «тряпицынец», идентичное имени «махновец», со своими последствиями. Такое разделение существовало весь советский период нашей истории, что наложило отпечаток на историографию по проблеме партизанского движения в низовьях Амура. Публиковались только книги и сборники воспоминаний противников Тряпицына, которые вписывались в большевистское понятие партийности автора⁵.

¹ Сомов О.И. Вместо предисловия. В кн.: Революция на Дальнем Востоке. Вып. 1. Истпарт, комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б). М.-Пг., Госиздат, 1923. С. 8.

² Серышев С.М. Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке. В сб.: Революция на Дальнем Востоке. Истпарткомиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б). М.-Пг., 1923.

³ Ауссем О.Х. Николаевская-на-Амуре Коммуна 1920 г. Пролетарская революция, 1924, № 5. С. 57.

⁴ Жуковский-Жук И.И. Н. Лебедева и Я. Тряпицын. Материалы и документы. Чита, Изд. «Левое народничество», 1922.

⁵ В огне революции. Сб. статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Хабаровск, Изд. комиссии при Далькрайисполкоме по проведению празднования 10-летия Октябрьской революции, 1928.; Дальний Восток. Сб. документов и материалов. № 1, Л., Изд. ВПАТ, 1932; Борьба за Советы на Дальнем Востоке. Сб. Дальневосточного землячества. Вып. 1, М., 1932; Таежные походы. М., 1935; Борьба за Советский Дальний Восток (1918-1922 гг.). Хабаровск, 1938; Парфенов (Алтайский) П.С. Борьба за Дальний Восток. Л., Изд. «Прибой», 1928; Рейхберг Г. Большевики Дальнего Востока в борьбе с японской интервенцией (1918-1922 гг.). Пролетарская революция, 1939, № 3; Шурыгин А.П. Коммунистическая партия — организатор разгрома иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции на Советском Дальнем Востоке (1918-1922 гг.) М., 1957; Крушанов А.И. Борьба за Советскую власть на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1962.; Беликова Л.И. Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (Приморская организация РКП (б) в 1917-1922 гг.). Хабаровск, 1967; Днепровский С.П. По долинам и по взгорьям.

Что на практике означало строгое соблюдение принципа партийности? Очень образно сформулировал его видный деятель большевистской партии Л.Каганович: «Мемуарист-большевик не может и не должен просто рассказывать факты, он должен твердо стоять на генеральной линии партии». Ему вторил другой видный деятель партии Г. Пятаков: «Если партия потребует белое считать черным — я это приму и сделаю это моим убеждением». Принцип партийности был пожизненным бременем для советских историков.

Когда в 1975 г. я сдал в Хабаровское книжное издательство рукопись сборника «Борьба за власть Советов в низовьях Амура (1917-1920 гг.)» под редакцией профессоров Г.Е. Рейхберга, А.П. Шурыгина и доцента В.Г. Смоляка, она была отправлена на рецензирование в Росглавиздат. В публикации было отказано по следующим причинам: «Когда мы говорим в сборнике о тех или иных событиях прошлого, мы обязательно должны осмысливать их с точки зрения звучания сегодня: служат ли приводимые факты дополнительным оружием для нас или могут быть использованы против нас... наша точка зрения относительно этих событий была официально высказана еще в те годы, и с тех пор она никогда не изменялась; возможно, кое-кто с японской или вообще с западной стороны и хотел бы вновь начать разбираться в этих событиях, а нам это ни к чему»⁶.

Исследователи гражданской войны не имели права выйти за рамки оценок данных в многотомной «Истории гражданской войны в СССР». В 1960 г. вышел ее пятый том, в котором партизанское движение в низовьях Амура было окончательно квалифицировано как анархизм: «Одним из проявлений анархизма являются действия Тряпицына, возглавлявшего партизанские отряды в Низовьях Амура, и его штаба. Тряпицын отказался признать директиву о создании на Дальнем Востоке буферного государства. Во время перехода отряда из Николаевска-на-Амуре, захваченного японцами, в мае (точнее, в июне. — Авт.) 1920года, в Амурскую область, Тряпицын и особенно его ближайшие помощники производили аресты и

Хабаровск, 1956; Бойко-Павлов Д.И., Сидорчук Е.П. Так было на Дальнем Востоке. М., 1964; Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне гражданской войны. М.: Изд. «Наука», 1968; Таежные походы. Хабаровск, Хабаровское книжное издательство, 1972; Авдеева Н., Чечулина Г. Пять лет героической борьбы. Краткий исторический очерк. Благовещенск, Хабаровское книжное издательство, 1972.

⁶ Отзыв хранится в личном архиве автора.

расстрелы мирных жителей, партизан, в т. ч. коммунистов. Тряпицын и члены его штаба были арестованы и по приговору суда расстреляны»⁷.

Не была обойдена вниманием история партизанского движения в буржуазной (как тогда говорили) историографии. Для нее принцип партийности заключался в патологическом антисоветизме. Назову только некоторые публикации разных лет из этой серии.

Эч В. Исчезнувший город. (Трагедия Николаевска-на-Амуре). Владивосток, 1920.

Гутман А. (Анатолий Ганн). Гибель Николаевска-на-Амуре, страницы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Берлин, 1924.

Милюков П. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 2. Париж, 1927.

Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. Soviet-Japanese Relations 1921-1930. Tokyo-Taiihassee, 1970.

The destruction of Nikolaevsk-on-Amur. 1993.

Общее, что объединяет указанные работы, состоит в том, что весь ужас гражданской войны, в том числе в низовьях Амура, является, по мнению авторов, следствием реализации большевиками тактики красного террора (Тряпицын и его сторонники назывались большевиками).

В СССР идеологические отделы КПСС очень внимательно следили за тем, чтобы не пропустить в печать любые попытки взглянуть на историю партизанского движения в низовьях Амура иначе, нежели это было «закреплено» в партийных документах и многотомной «Истории гражданской войны в СССР». В целом это удавалось, но были и «проколы».

Как идеологическая диверсия была расценена публикация московского журналиста И. Анисимкина «На краю земли русской» в журнале «Военные знания» за 1971 г. Автор выступил в защиту деятельности анархиста Я. Тряпицына и максималистки Н. Лебедевой. Он назвал Тряпицына командиром «ленинской гвардии» и «проверенным коммунистом», а Лебедеву — представительницей хабаровского большевистского подполья. Суд над ними он охарактеризовал как «белогвардейский заговор».

В 1972 г. в «Военно-историческом журнале» — органе Министерства обороны СССР — мне удалось опубликовать статью, в которой я доказывал, что до мая

⁷ История гражданской войны в СССР. Т. 5, М., 1960. С. 340.

1920 г. в низовьях Амура никаких нарушений революционной законности со стороны партизанского руководства не было. В 1973 г. эту же точку зрения я отстаивал в МГУ в кандидатской диссертации.

Очень смелой по тем временам была публикация доктора исторических наук, профессора Л.И. Беликовой «К вопросу о партизанском движении в низовьях Амура (1919-1920 гг.) в межвузовском тематическом сборнике «Борьба Коммунистической партии против правого и «левого» оппортунизма (1909-1930 гг.)» (Калинин, 1978). В статье она делает вывод: «На Нижнем Амуре установилась не диктатура анархиста Тряпицына, а Советская власть, которую признавал и Я.И. Тряпицын».

Обращает на себя внимание одна интересная деталь — все вышеназванные публикации, имевшие в себе положительный момент, вышли далеко за пределами Хабаровского края, хотя, по логике вещей, изложенные в них события должны интересовать прежде всего именно дальневосточников, поскольку происходили на Дальнем Востоке.

Вместе с тем, положительным моментом является попытка Хабаровского крайкома КПСС выслушать как сторонников, так и противников Я. Тряпицына. Сотрудник Хабаровского краеведческого музея Николай Прибылов написал записку на имя секретаря Хабаровского крайкома КПСС А.П. Шитикова «О мерах по восстановлению истории николаевских событий 1920 года». Он обратил внимание секретаря крайкома на гонения на инакомыслящих по этой проблеме. «Когда писатель Р. Агишев с документами в руках пытался на специальном совещании у бывшего секретаря крайкома КПСС Ажгибкова в 1959 году доложить о Николаевской коммуне, его выслушали, можно сказать, заткнув уши, а потом спросили: «Когда ты кончишь защищать Тряпицына?» Представители писательской организации на упомянутом совещании, игнорируя не известные им факты, ограничились предъявлением счета Агишеву за то, что он хвалил не полюбившийся Хрущеву роман «Не хлебом единым». Ввиду создавшейся обстановки Агишев и Прибылов выехали из Хабаровска, но исторические факты, сколь их ни прятали и ни искажали, оставались фактами, к которым надлежало вернуться».

Крайком КПСС предложил председателю Приамурского географического общества А.А. Степанову подготовить справку о николаевских событиях. Так появился стостраничный текст: «Вопросы географии Дальнего Востока, 1920 год на

Нижнем Амуре»⁸. Оставим в стороне несурзное название работы и обратимся к выводам автора, изложенным в заключении: «Приведенный выше фактический материал подтверждает правильность решений Приморской областной конференции РКП(б) от 10 июля 1920 года, считавшей необходимым предать революционному суду Тряпицына, Лебедеву и примыкавших к ним лиц как сознательных противников Советской власти и организаторов массовых убийств коммунистов, общественных деятелей, женщин, детей. Правильность и советскую законность суда, вынесшего заслуженный приговор главарям тряпицынщины. Под лживым флагом защиты чистой советской власти, анархо-максималистам в марте-июне 1920 года удалось захватить в свои руки партизанский штаб и установить свою диктатуру на Нижнем Амуре для борьбы против ленинской политики Коммунистической партии. Во время своего господства в Николаевске-на-Амуре анархо-максималисты физически уничтожили значительную часть партийно-советского актива низовий Амура, истребили большое количество ни в чем не повинных людей, пытались превратить Нижний Амур в антисоветский, антикоммунистический плацдарм. Своими преступными провокационными действиями тряпицынщина осложнила международное положение Советской Республики на Дальнем Востоке».

В 1968 г. крайком КПСС просит профессора кафедры истории КПСС Хабаровского государственного педагогического института Л.И.Беликову дать свою оценку этим событиям. 8 июля того же года Л.И. Беликова писала заведующему отделом пропаганды и агитации Хабаровского крайкома КПСС И.И. Маринкину: «Давно пора пересмотреть эти события, раскрыть всю их трагичность, воскресить имена преданных Советской власти борцов. Враги Советской власти их оклеветали при жизни, чтобы опорочить их, скомпрометировать народную власть. Ошибка была допущена в 1920 году. Надо ее исправить и воскресить правду»⁹. Такой призыв профессора был для партии абсолютно неприемлем.

Как я уже писал выше, сторонники Тряпицына, участники тех событий не имели возможности публично изложить свою позицию. Большую работу по сбору воспоминаний этих людей провел Н. Прибылов. У него была специальная папка

⁸ Копия справки хранится в личном архиве автора.

⁹ Справка Л.И.Беликовой И.И. Маринкину хранится в личном архиве автора.

для переписки с ними, которая называлась: «За» и «Против» Тряпицына». Накануне смерти (он умер 17 декабря 1971 г.) Николай Никитич передал ее мне¹⁰.

Открывают папку «Замечания к переписке», сделанные Н. Прибыловым: «Данная переписка и некоторые другие включенные в нее неофициальные документы относятся к 1957-1967 годам, когда официальное исследование николаевской истории 1920 года было прекращено и объявлено личным делом исследователей без права допуска их к архивным документам в Хабаровске, поскольку допуск разрешается лишь по заявкам не частных лиц, а заинтересованных организаций. Собранные здесь выписки из личной переписки отражают неофициальный обмен мнениями между участниками и исследователями николаевских событий. Из писем выписано лишь то, что представляет общий интерес».

Вот лишь небольшая часть содержимого папки Н. Прибылова.

Р. Агишев — Бессонову (бывший министр земледелия ДВР) и В.П. Голионко (участник трех революций), 24 апреля 1959 г.:

«Мной получены из Томского архива копии протоколов 1-го съезда Советов в Николаевске и заседаний Исполкома, избранного на съезде. Эти документы доказывают всю абсурдность возводимых на николаевских коммунистов обвинений и показывают, что за большевиками Железиным, Бич-Бузиным, Ауссемом, Харьковским и другими — во все время николаевских событий сохранялось преобладающее влияние. Всеми делами в Николаевске после съезда и до самой эвакуации руководили большевики. Само собой разумеется, что никакой расправы над мирным населением не было. Все это досужий вымысел, пытающихся во имя каких-то личных эгоистических мотивов, извратить историю».

Главком НРА ДВР Г.Х. Эйхе — Прибылову, 23.12.1963 г.:

«Дело» Тряпицына сложно не только потому, что его запутали тогдашние «деятели» Приморья и Приамурья, а сделали они это, как мне думается, больше всего по недомыслию.

Я не питаю больших надежд, что, если вы с другими товарищами напишите еще одно письмо, — вопрос тут же разрешен и притом в том духе, как

¹⁰ Данная переписка хранится в личном архиве автора.

это предполагаете вы. «Николаевский инцидент» имел в то время серьезное значение, выходящее за пределы буферной ДВР. По целому ряду объективных и субъективных причин вокруг Тряпицына и его действий образовался такой невероятно запутанный, противоречивый клубок мнений, суждений и даже документов, что разобраться в нем надо еще много времени и много трудов».

Партизан И.И. Самойлов — партизану Н.С. Демидову, 29 июля 1960г.:

«Письмо ваше получил и удивлен: неужели вы не знаете о том, что Андреев был посланцем японцев?»

Да я лично сам и многие сахалинцы знаем и видели Андреева. Да, это он расстрелял Тряпицына и после этого с почетом был привезен японцами в Александровск и жил во флигеле у миллионера Петровского под охраной японских штыков. Андреев почитался японцами так же, как их национальные герои. Был в 1925 году увезен японцами. Дальнейшая его судьба мне неизвестна».

Писатель Р.И. Фраерман (бывший партизан) — краеведу Ив. Дудину, 24 февраля 1969 г.:

«В то время партизаны не имели сформировавшихся партийных организаций. Кто называл себя большевиком, тот носил на груди красный лоскутик. Называвшие себя анархистами носили черный. Но были и такие, которые считали себя анархо-коммунистами, носили красно-черные розетки и кокарды».

Академик И.И. Минц — ветерану Великой Отечественной войны Ф.А. Кравчуку, 1965 г.:

«Полностью присоединяюсь к содержанию ответных писем Института истории, считаю, что дальнейшее спокойное и беспристрастное исследование и обсуждение интересующего вас вопроса следует провести совместно с партактивом крайкома КПСС, который уже занимается этим вопросом и где сосредоточены материалы о партизанском движении в Низовьях Амура в 1920 году».

Активный участник гражданской войны на Дальнем Востоке Б. Жданов — Прибылову, 13 апреля 1959 г.:

«Тряпицын и Лебедева уничтожили русский город, истребили половину неповинного населения, а другую обрекли на муки в таежном пути в целях якобы спасения от мести японцев. Можно ли назвать эти неслыханные преступления иначе, как провокационные, имевших тяжелые последствия внутри страны и в международных отношениях?»

Советую вам раз и навсегда излечиться от анархо-эсеровской отрыжки. Будет хорошо, если публично выступите с осуждением ваших заблуждений».

Писатель Г.Г. Пермяков — Прибылову, 29 марта 1963 г.:

«Придет время и будет роман о Якове Тряпицыне, восстановят его могилу, опубликуют двусторонние документы, будут выслушаны обе стороны.

Если 50-летние люди уже хотят объективности о Якове Тряпицыне, то тем более потребуют этого будущие 30-летние».

Бывший министр финансов ДВР И.П. Колманович — Прибылову, 19 июля 1960 г.:

«По делу Тряпицына убежден, что вы глубоко правы в своем подходе к вопросу. В этом меня убеждает все, что я лично знаю поэтому вопросу, Печально, конечно, что субъективная оценка исторических событий со стороны влиятельных товарищей дает неправильное освещение некоторых проблем, но это дело временное. Рано или поздно правда станет известна потомству».

Премьер-министр ДВР П.М. Никифоров — Прибылову, 3 апреля 1961 г.:

«Решение суда в Керби в отношении Тряпицына правильно. Тряпицын был анархистом и выступал против директив и линии Ленина на Дальнем Востоке, а поэтому объективно играл на руку врагам».

Министр земледелия ДВР И.С. Бессонов — Прибылову, 11 декабря 1958 г.:

«Что Тряпицын и Лебедева боролись за Советы и являлись героями — это факт.

В моих воспоминаниях имеется обвинение Тряпицыну, написанное по неправильной информации. Но теперь снимаю свое обвинение».

Участник трех революций В.П. Голионко — Прибылову, копия Р. Агишеву, 20 марта 1959 г.

«Тряпицын по своей политической малограмотности называл себя анархистом, в то же время признавал власть Советов, героически боролся за нее и даже признавал Третий Интернационал.

В докладной записке Р. Агишева о событиях в Низовьях Амура 1920 года дается весьма ценный материал, и он обязывает по-новому пересмотреть и объяснить так называемую «Николаевскую трагедию 1920 года».

Генерал-полковник В.З. Романовский — Прибылову, 10 июня 1960 г.:

«Борьба наших партизан в Низовьях Амура — это одна из ярких страниц в истории гражданской войны за власть Советов.

Наши некоторые руководители того времени на Дальнем Востоке не разобрались с делом, пошли по пути провокаторов, помогли нашим врагам облить грязью наш народ и великое дело творимое ими, очернить лучших борцов за власть Советов, наконец истребить физически товарищей Тряпицына, Лебедеву и других, чем причинили огромный вред общему делу».

Писатель П.И. Гладких — партизанскому командиру С.С. Стрельцову-Курбатову, 23 августа 1963 г.:

«В одной из бесед Василий Константинович Блюхер сказал мне: «Для меня ясно одно: Тряпицын был борцом за власть Советов, таким же, как сибирский «дедушка» Нестор Каландарашвили, который также считал себя анархистом. Загубили Якова Тряпицына напрасно. Не разобрались досконально в этом сложном деле и наломали дров.

Сегодня, для того чтобы объективно разобраться и дать оценку партизанскому движению в низовьях Амура в 1920 году, фактического материала вполне достаточно. И хотя сегодня уже нет никого из участников тех событий, но благодаря стараниям, в свое время, работника Николаевского-на-Амуре музея В. Дудина, сотрудника Хабаровского краеведческого музея Н. Прибылова, доктора исторических наук, профессора Л. Беликовой и других удалось собрать все, или почти все, воспоминания участников партизанского движения в низовьях Амура, как сторонников, так и противников Я. Тряпицына.

Должен заметить, что дать объективную оценку, опираясь только на воспоминания участников тех событий, очень сложно, по причине их противоречивости. Сторонники и противники Тряпицына излагают свое видение и оценку тех событий. В качестве примера приведу выдержки из воспоминаний двух его участников: командира полка Стрельцова-Курбатова — сторонника Тряпицына и партизанского врача П.Д. Малаева — противника Тряпицына. Они оба дают описание одного и того же факта: действий отряда Г. Мизина.

П. Малаев. Партизанский поход в низовья Амура:

«С лета 1919 года в низовьях Амура действовал Синдинский большевистский партизанский отряд под командованием коммуниста Григория Мизина. Отряд под контролем держал большой район по побережью реки Амур, начиная от села Елабуги до села Жеребцовка (расстояние до 550 км). В Малмыже стоял штаб отряда Мизина. Председателем сельревкома был Колчин.

Вскоре в Малмыж прибыл и руководитель похода на Нижний Амур, заместитель председателя Хабаровского военно-революционного штаба М. Попко, члены штаба И. Холодилов, И. Бессонов, Н. Лебедева, с ними прибыли также Д. Бузин-Бич, Я. Тряпицын и Н. Жуков с небольшой группой партизан. Уже здесь, т. е. в Малмыже, была попытка Тряпицына подчинить себе партизан из отряда Мизина. Но партизаны и сам Мизин этому воспротивились. Так у Мизина уже в Малмыже начались споры с Тряпицыным, которые впоследствии окончились трагически.

Отряд Мизина в количестве 100 человек (без лыжников) с обозом продовольствия выступил в поход самостоятельно. К Тряпицыну из этого отряда перешло лишь три человека».

Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение на реке Амур от Хабаровска до города Николаевска и острова Сахалина:

«В июле месяце 1919 года на Амуре появился партизанский отряд т. Мизина в числе человек 15. В числе которых был и я, житель села Синда. Отряд поставил своей задачей нарушить движение пароходов по реке Амур между Хабаровском и Николаевском и нарушить телеграфную связь между городами...

После сожжения колмыковцами села Синда было созвано общее собрание партизан отряда Мизина и ввиду трусости командира отряда т. Мизина и нежелания действовать против интервентов и белых более энергично, и предлагавшего отсиживаться глубоко в тайге, собрание вынуждено было отстранить Мизина от командира отряда и избрало командиром т. Оцевили-Павлуцкого. Новое командование подготовило в тайге против с. Малмыж зимнюю базу.

В ноябре месяце 1919 года в с. Малмыж прибыл партизанский отряд под командованием Тряпицына, посланного Ревштабом, избранным на Анастасьевской конференции 2 ноября 1919 года. Вместе с отрядом также прибыли члены Ревштаба тт. Попко и Нина Лебедева. В селе Малмыж на общем собрании двух отрядов т. Тряпицын был избран командиром отряда».

Такие разночтения в истории, увы, характерны для многих воспоминаний. Поэтому приходится искать подтверждения тому или иному факту в других источниках.

В наши дни интерес исследователей к событиям почти 90-летней давности явно притупился. Самое простое объяснение тому: для историков, которые остаются приверженцами социалистической ориентации, эту тему нечего исследовать, партия уже дала оценку событиям в низовьях Амура в 1919-1920 гг. Историки новой общественно-экономической формации пока обходят эту тему.

Время от времени в средствах массовой информации и в Интернете появляются отдельные упоминания о тех событиях, но они, как правило, повторяют сказанное ранее.

Известный политик Ирина Хакамада, родословная которой начиналась в низовьях Амура, рассказала семейную легенду:

«Согласно семейному преданию, Николаевск был захвачен отрядом некоего Тряпицына. Он называл себя красным командиром, а по сути дела это был просто бандит. И все идеи у него были бандитские. Он терроризировал город, убивал всех подряд. Когда банду стали вытеснять из города, Тряпицын

решил уйти на Сахалин, а с собой в качестве рабов прихватил много жителей. Людей хватали, кто в чем был, насильно сажали в лодки и увозили».

Директор института истории, социологии и управления СахГУ Михаил Волков пишет по случаю 75-летия освобождения Северного Сахалина от японской оккупации:

«В начале 1920 года к Николаевску подошли партизаны, во главе отряда стоял анархист Яков Тряпицын... Он учинил в Николаевске настоящую кровавую бойню: по его приказу партизаны истребили всю буржуазию, всех, кто хоть как-то были связаны с прежним режимом, и всех подозрительных. А таких было очень много — расстреливали даже партизан...»

Мой земляк по Николаевску-на-Амуре, уважаемый художник, прекрасный публицист Александр Лепетухин в газете «Тихоокеанская звезда», по сути дела, повторяет Михаила Волкова:

«Сначала были расстреляны все священники, крупные чиновники, купцы и офицеры. Потом расстреляны их семьи и родственники. Затем стали расстреливать недовольных расстрелами. На этом этапе принялись и за товарищей по оружию».

В архивах Хабаровска, Томска, Москвы сохранились подлинники документов о тех событиях и людях. Известны исследователям протоколы съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Сахалинской области (март 1920 г.). Сохранились подлинные протоколы некоторых заседаний Сахалинского облисполкома в период с апреля по май 1920 года. Особую ценность представляют подлинники приказов командующего партизанской Красной Армии Николаевского округа, телеграфная переписка штаба Николаевского военного округа с вышестоящими инстанциями, директивные указания в адрес нижнеамурцев центральных органов власти.

Немало информации можно почерпнуть и из газет того времени: «Амурский лиман», «Призыв» — орган штаба Красной Армии Николаевского-на-Амуре округа, «Красный клич» — орган военно-революционного штаба Николаевского округа, «Коммунист» (Хабаровск).

Объективную оценку борьбы за власть Советов в низовьях Амура в 1919-1920 гг. можно дать, только опираясь на все исторические свидетельства, а не на выборочное цитирование «нужных» источников.

Кровавый финал

Такие теплые и тихие вечера бывают здесь только вкороткие июльские ночи. Поблескивают, освещенные лунным светом, с шепотом набегающие на берег волны Амгуни.

В поселке Керби, несмотря на поздний час, люди не спят. То там, то здесь вдоль берега видны группы бывших беженцев из Николаевска-на-Амуре, местных жителей. Мужики нервно затягиваются махорочным дымом, ребяташки пугливо жмутся к матерям. Все ждут, когда из трюма баржи, которая стоит у берега, выведут приговоренных к смертной казни.

Одиннадцать часов вечера. На берег, в окружении своих соратников, пришел председатель временного военно-революционного штаба Тихон Андреев, члены президиума «суда 103-х» П. Воробьев, С. Жемайтис, С. Слепак, А.Овчинников, С. Птицын и другие. На барже скрипнула железная дверь трюма, на палубу стали выводить осужденных. Первым на трап, в окружении конвоя, вступил теперь уже бывший командующий партизанской Красной армии Николаевского фронта анархист-индивидуалист Яков Тряпицын. С высоко поднятой головой, в холщевой белой рубашке навыпуск, закованный в цепи, он медленно шел по скрипящему трапу, припадая на раненную ногу. Следом за ним, по-бабьи скрестив руки на большом животе, спускалась бывший начальник штаба партизанской Красной армии максималистка Нина Лебедева. Затем на берег сошли другие осужденные. Замыкал группу бывший председатель Сахалинского областного Совета коммунист Федор Железин.

Когда все семь приговоренных к смертной казни оказались на берегу, конвоиры начали их построение для последнего похода по земле. Первым, опоясанного цепью с длинными концами, поставили Я. Тряпицына. Рядом — Нина Лебедева. За ними — все остальные. Конвоиры взяли за концы цепи, окружив ею всех смертников. Вокруг плотного конвоя сразу образовалась толпа из беженцев, парти-

зан, местных жителей. Народ вел себя сдержанно, только изредка слышались проклятия в адрес смертников. На окраине села, рядом с радиостанцией, конвой остановился. Любопытных оттеснили метров за двадцать от вырытой ямы.

Участники тех событий, конвоиры в своих воспоминаниях рассказывают, что во время движения Тряпицын и Лебедева достаточно громко переговаривались:

«Яша, нас действительно хотят расстрелять?»

«Разве в такую прекрасную ночь расстреливают? Это просто демонстрация».

«А я знаю, что беременных женщин нигде в мире не расстреливают. Если тебя расстреляют, а меня нет, я назову нашего сына Яковом. Ты, согласен?»

«Конечно, согласен. Ты не волнуйся, все будет хорошо».

Осужденных поставили на бровке заранее вырытой ямы-могилы. Позади чернела тайга. На ясном небе сияла полная луна, было светло, как днем.

Заместитель председателя суда Петр Воробьев зачитывает решение «суда 103-х». Голос его хорошо слышен вокруг:

«За содеянные преступления, постоянно подрывающие доверие к коммунистическому строю, могущие нанести удар авторитету Советской власти, подвергнуть смертной казни...»

Командир взвода конвоя Петр Приходько резко командует:

«Конвой, отойти в сторону!»

Напротив приговоренных, вскинув оружие, приготовился к стрельбе взвод бывших артиллеристов. Все замерли. Тишину ночи разорвал пронзительный крик:

«Да здравствует мировая революция! Да здравствует Советская власть!..»

Команда «Взвод, пли!» прерывает крик Федора Железина.

Осужденные повалились в яму, все, кроме Тряпицына. Он только пошатнулся после залпа, но затем вновь выпрямился. На секунду все оцепенели. Он наклоняется и берет на руки бездыханное тело Нины Лебедевой.

«Стреляйте!» — уже не командует, а кричит Приходько.

В Тряпицына началась беспорядочная стрельба, но он продолжает стоять с телом Лебедевой в руках. Приходько подбегает к нему и в упор разряжает пистолет. Тряпицын медленно валится в яму, не выпуская из рук Лебедеву. Даже мертвый, он не хотел отпускать ее от себя. А она за эту верность подарила ему несколько мгновений жизни, приняв на себя пули бывших соратников по оружию.

Так, 9 июля 1920 года в двенадцать часов ночи в селе Керби свершилось одно из череды трагических событий гражданской войны на Дальнем Востоке.

Впервые фамилию «Тряпицын» я услышал в конце 40-х годов прошлого XX века. Я помню, меня тогда очень поразила ее неблагозвучность.

Мы жили тогда в Николаевске-на-Амуре, куда нас, меня и сестренку, мать увезла из Пензенской области в поисках лучшей доли. В бараке с коридорной системой у нас была маленькая комната

Долгими зимними вечерами, когда в печи потрескивали поленья, а комната наполнялась теплом, почти ритуальным было вечернее чаепитие. И так делали не только мы. Мне кажется, так поступали все жители города. Объясняется это просто. С одной стороны, за чаем «убивалось» время долгих зимних вечеров, с другой, у всех жителей была физиологическая потребность в жидкости. Пайка хлеба съедалась сразу после получения, устоять перед таким соблазном было выше наших сил, как мама ни пыталась растянуть это лакомство. Хлеб обычно заменяла картошка, которую мы употребляли с соленой кетой и лососевой икрой, этого в каждом доме было заготовлено на всю зиму в большом количестве. Такая еда, естественно, вызывала жажду. Но одно дело — утолять ее водой из ведра, другое дело — пить чай. Поэтому мы с детским трепетом ожидали наступления сумерек.

Вечернее чаепитие всегда проходило по одному сценарию. Мама ставила на печку пятилитровый чайник, доставала завернутую в тряпочку заварку — высушенную морковь.

— Отвернитесь бесенята, не подглядывайте, а то не получите, будете пить чай с «такой»! — командовала она. После двух-трех предупреждений мы выполняли ее приказ и тогда, словно по велению волшебной палочки, в ее руках оказывался маленький бумажный пакетик с чудно сладким белым порошком под названием сахарин. Где она его прятала от нас, всегда было загадкой. В ее отсутствие мы с сестренкой все щели и дыры в стене комнаты проверяли, но всегда безрезультатно. И только через несколько лет мама раскрыла свой секрет: прятала она свой бесценный пакетик в поленьях дров, которые всегда большой горкой лежали в углу печки.

И вот вода в чайнике закипела, в банке настоялась морковь, в результате чего появилась заварка оранжевого цвета, и в это время раздавался стук в дверь. На пороге появлялась наша соседка бабушка Кукушкина.

— Соседка, я не помешала?

— Ну что ты, Катерина, проходи, у нас чай готов.

— Спасибо, Татьяна. — Она проходила и садилась за стол. — А я к чаю крабов принесла. — Она доставала из холщового мешочка и ставила на стол банку крабов. Как правило, никто к ней не прикасался: как и икра, крабы тогда абсолютно не пользовались спросом. В магазине они всегда высокой горкой стояли на полках.

За чаепитием мама с бабой Катей начинали традиционное обсуждение последних известий «агентства ОБС» (одна бабка сказала). Обсуждали цены на рынках, зарплаты, обвесы в продуктовых магазинах, Государственные займы. Затем начинались воспоминания. Мама рассказывала, как хорошо она жила до войны с Гришей (мой погибший отец), как на слете стахановцев-шахтеров подмосковного угольного бассейна Никита Сергеевич Хрущев вручил ей отрез сукна на пальто. Воспоминания бабы Кати, в основном, были о ее участии в партизанском движении на Нижнем Амуре. Заканчивала она их традиционным вздохами:

— До сих пор не пойму: зачем наши же партизаны расстреляли моего командира Яшу Тряпицына и его жену Нину Лебедеву?.. Они же были за Советскую власть... Ой, горе какое!..

— Баба, а где его расстреляли?

— На Керби. Мы вместе с ним шли по тайге из Николаевска до Керби. Ох, и тяжело было... Дорог нет, комаров море, а самое главное — мы заблудились. У нас кончились продукты. Хорошо, было несколько лошадей, мы их съели. У нас был небольшой запас плиток шоколада. Тряпицын его берег на всякий случай. Однажды наш николаевский мужик стоял на посту и несколько плиток съел, так его Яша перед строем застрелил. Жалко было мужика, молодой еще был, и партизан хороший. А расстреляли Яшу в Керби. Мы туда пришли в середине июня. Говорят, его судили, но я этого не видела. Его, как собаку, зарыли в яме. Ох, люди, люди! Сколько крови пролили... Одно дело, когда японцев и буржуев били, другое — когда между собой поладить не смогли...

Эти рассказы бабушки Кукушкиной глубоко запали мне в душу.

Я закончил среднюю школу, поработал токарем в механическом цехе судоремонтного завода № 3 в Николаевске.

Потом была служба в армии.

Как отличнику Советской Армии, через три года службы командование части разрешило мне поступать в институт. Мой выбор остановился на историко-филологическом факультете Хабаровского государственного педагогического института.

В институте у меня были прекрасные педагоги, особенно историки Николай Иванович Рябов и Нина Александровна Авдеева. Они поддержали мой интерес к истории гражданской войны на Нижнем Амуре. Я стал читать книги по этой проблеме, получил разрешение на работу в партийном архиве Хабаровского края. Но чем больше я вникал в эту проблему, тем больше появлялось сомнений: почему в архивных документах говорится одно, а в книгах — другое? Много было неясным, но одно я усвоил твердо: только в архивных документах можно найти ответы на вопрос бабушки Кукушкиной — «Зачем наши же партизаны расстреляли моего командира Яшу Тряпицына и его жену Нину Лебедеву?..».

После института меня пригласили на работу в Хабаровский краевой комитет комсомола. О научной работе пришлось забыть, хотя, однажды я возвратился к этой теме при довольно-таки странных обстоятельствах.

В крайком ВЛКСМ ко мне пришел пожилой мужчина, представился как участник гражданской войны в низовьях Амура, его фамилию, к сожалению, я запомнил. Вот что он рассказал:

— Я партизанил в отряде Бузина (Бича). Во время японского выступления я получил сквозное ранение в область живота. Долго лечился в Николаевске, затем, в конце мая, меня отправили в село Нижнее-Тамбовское, где был партизанский госпиталь. Перед отправкой меня посетил председатель Сахалинского облисполкома Федор Железин и передал большой сверток, обмотанный непромокаемой бумагой: «Спрячь все это в Нижней Тамбовке, без моего разрешения никому не говори». Что я и сделал. Я спрятал этот сверток, поместив его в ведро, и обмотал еще одним слоем промасленной бумаги.

— И куда же вы его спрятали? Почему так долго никому не говорили?— спросил я.

— Место я хорошо запомнил. Ориентир — колодец на краю деревни. Почему никому не говорил? Боялся. Ведь Железина расстреляли вместе с Тряпицыным.

— Что вы предлагаете?

— Я знаю, что вас интересует наша история. Свозите меня в Нижнюю Тамбовку, и я покажу, где оно зарыто. Что там есть, я не знаю. Мне было запрещено разворачивать.

С тех пор прошли десятилетия.

В 2002 году исполнилось 80 лет с окончания гражданской войны в России. Эта дата отмечалась крайне невыразительно. Может быть потому, что уже не было страны, за которую и шла гражданская война. Такое отношение, на мой взгляд, вызвано еще и тем, что наше общество еще не пришло к пониманию, что в братоубийственной войне не может быть победителей и побежденных, «красные» и «белые» окрашены одной кровью, связаны одной судьбой.

У них общая могила — русская земля, хотя лежат они в ней до сих пор раздельно. У изголовья одних стоят памятники, могилы других стерты с земли и поросли бурьяном. Именами «красных» названы города, улицы, предприятия, учреждения, заводы и фабрики, «белым» же в память остались проклятия, безызвестность и забвение. В далеком 1920 году один из активных участников борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке И. Гейцижн писал: «В том-то и вопрос: кто виноват? Пусть на поставленный вопрос история ответит. А пока, когда вы служите панихиды одним, помните о других. Ибо если человеческая кровь и жизнь не будут иметь одинаковой ценности, мир все равно неминуемо погибнет...»

В советский период исследователи особое внимание уделяли истории Октябрьской революции и последовавшей за ней гражданской войны. Отличительной особенностью всех исследований по этой проблематике был запрограммированный идеологией классовый подход к изучению исторических событий, когда братоубийственная бойня была только в двухцветном видении — красно-белом.

Предлагаю вам свое видение одной из самых сложных и запутанных страниц гражданской войны в низовьях Амура (1919-1920 гг.), получившей название: «нижнеамурская трагедия».

Русская революция стояла под знаком рока, как гитлеровская революция в Германии. Она не была делом свободы и созидательных актов человечества. Революция еще раз подтвердила мою давнюю уже мысль о том, что свобода не интересна и не нужна восставшим массам, они не могут вынести бремени свободы.

Н. Бердяев

Анастасьевская конференция

По автомобильной трассе Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре в 40 километрах от Хабаровска расположено село Анастасьевка. Сегодня в селе ничего не напоминает о том, что именно здесь 2 ноября 1919 года произошло событие, которое, в конечном счете, предопределило победу красных над белыми в Приамурье. В исторической литературе это событие получило название «Вторая объединенная конференция представителей партизанских отрядов, революционного крестьянства и подпольных организаций».

Не буду останавливаться на подробном анализе решений конференции, а только солидаризируюсь с оценкой, которая дана в исторической литературе: она имела большое политическое и организационное значение на новом этапе партизанского движения за восстановление Советской власти. Замечу только, что называть ее «объединенной конференцией представителей партизанских отрядов, революционного крестьянства и подпольных организаций» следует с известными оговорками. Участник этой конференции, впоследствии министр земледелия Дальневосточной Республики, И.С. Бессонов пишет в своих воспоминаниях: «Анастасьевская конференция была чисто партизанской. Никаких специальных представителей крестьянства на ней не было. Не было делегатов и городских подпольных организаций, так как в то время не существовало таких организаций в Приамурье. Лебедева, как член хабаровской подпольной организации, сумела присутствовать потому, что успела бежать во время разгрома организации. Избранный конференцией ревштаб являлся чисто партизанским».

На этой конференции впервые встретились два основных персонажа «нижнеамурской трагедии»: Я. Тряпицын и Н. Лебедева.

Тряпицын присутствовал на конференции как командир небольшого партизанского отряда, базировавшегося в районе станции Кругликово. Н. Лебедева нико-

го не представляла, а была известна как член разгромленного хабаровского подполья.

В исторической литературе их биографические справки крайне противоречивы. Я потратил много лет, чтобы проследить их жизненный путь, и думаю, что представленные мною биографии близки к истине.

Яков Иванович Тряпицын

Родился в апреле 1897 года в семье зажиточного крестьянина в селе Севостейка Муромского уезда Владимирской области. Окончил четырехгодичную сельскую школу с похвальным листом. До 1915 года занимался крестьянским трудом. В этом же году поступил работать на судовой верфь «Мордовщик» помощником машиниста в паровозном депо внутризаводского транспорта.

В 1916 году ушел добровольцем на воинскую службу. Служил в лейб-гвардии Кексгольмского полка в Петербурге. Принимал участие в боевых действиях Первой мировой войны. За личную храбрость награжден Георгиевским крестом. В составе полка принимал участие в штурме Зимнего дворца.

Весной 1918 года после демобилизации уехал на Дальний Восток во Владивосток, где жила его сестра. Работал грузчиком в порту. Участвовал в захвате японского вагона с оружием, после чего попал к партизанам на Сучан. Из-за конфликта с С. Лазо ушел в партизанский отряд под Гродеково. В одном из боев отряд был разбит японскими карателями, и Тряпицын с несколькими партизанами в июле 1919 года отбыл под Хабаровск. Командовал небольшим партизанским отрядом в районе станции Корфовская.

Нина Михайловна Лебедева

Родилась (предположительно) в 1895 году в Пензенской губернии, где провела детство и училась в гимназии. С юных лет связала свою судьбу с партией социал-революционеров. За участие в покушении на пензенского губернатора в 1914 году была осуждена на каторгу с лишением всех прав и отправлена в Сибирь. В Акатуе, знаменитой Нерчинской каторге, ссылку отбывала вместе с Марией Спиридоновой, лидером партии левых эсеров, и Фани Каплан, покушавшейся в августе 1918 года на жизнь В. Ленина.

После Февральской революции Н. Лебедева — один из организаторов Читинского союза максималистов, секретарь горсовета рабочих депутатов.

От семеновских банд бежала в Благовещенск, затем в Хабаровск, где была секретарем подпольной организации, поддерживала связь с партизанами.

В исторической литературе организатором, идейным вдохновителем конференции называется Бойко-Павлов. Отрицать его роль в организации партизанского движения в Приамурье мне представляется неправомерным. В то же время считать его «героем гражданской войны на Дальнем Востоке» надо с большими оговорками. Участники тех событий отнюдь не однозначно отзываются о его роли в партизанском движении. К слову будет сказано, эти оценки никогда в печать не попадали. Упомянутый мною И. Бессонов вспоминает: «В отношении Бойко-Павлова могу сказать следующее: когда я ознакомился с его статьями, то убедился, что такого лжеца не встречал еще в своей жизни. Я каюсь, что так доверчиво относился к нему раньше. По своей наивности я поверил даже, что выстрелил он в меня нечаянно, и тем самым спас его от крупных неприятностей. Поведение Бойко-Павлова перед 40-й годовщиной показало, что в своих корыстных целях он способен на все. Если бы не моя доверчивость, он в начале ноября 1919 года не был бы избран председателем штаба. В этом повинен только я. Ведь против его кандидатуры были четыре члена штаба из семи».

Б.Г. Славина, участница хабаровского подполья в 1918-1919 годах, пишет в редакцию газеты «Тихоокеанская звезда» в 1966 году: «Опять Бойко-Павлов выдвигается организатором хабаровского подполья в 1918 году. Мне хорошо была известна обстановка в Хабаровске по занятии города интервентами и калмыковской бандой. Известны были и все подпольщики, как местные, так и приезжие, но никаких сведений о причастности Бойко-Павлова к подполью не имели ни я, ни другие подпольщики, с которыми мне приходилось встречаться».

Как уже сказано выше, Я. Тряпицын был участником Анастасьевской конференции как командир небольшого отряда. В Приамурье, куда он попал из Сучанской долины, за ним не было каких-либо громких побед, его имя не было широко известно в партизанской среде. Именно поэтому он не попал в избранный на конференции ревштаб, в отличие от Н. Лебедевой, которая в него вошла.

На Анастасьевской конференции наметился конфликт Тряпицына с Бойко-Павловым. Начался он со спора: где размещать продовольственную базу для зимней кампании 1919-1920 года? Тряпицын был против предлагаемого Бойко-Павловым села Князе-Волконки, настаивал на размещении базы подальше от Хабаровска, в селе Малмыж. Но это был не единственный повод для конфликта. Существовала и другая причина, о которой никто и никогда публично не говорил. Здесь будет к месту сказать: «шерше ля фам». На Анастасьевской конференции Нина Лебедева была единственной женщиной, к тому же — молодой и красивой. Естественно, к ней был проявлен интерес со стороны командиров. Среди соискателей были будущие члены ревштаба Холодилов и Бойко-Павлов, но они оказались отвергнуты. Свой выбор Лебедева остановила на Якове Тряпицыне. Почти все, кто знал его, говорили, что это был удивительно красивый молодой человек.

В нашей исторической литературе уход Тряпицына в сторону Николаевскана-Амуре трактуется по-разному. Одни говорят, что он был послан решением ревштаба, другие — ушел самостоятельно. В архивных документах ни первая, ни вторая точки зрения подтверждения не находят. Косвенные же факты свидетельствуют, что в низовья Амура Тряпицын ушел по личному распоряжению Бойко-Павлова, который таким образом хотел избавиться от соперника. Я склонен считать эту версию правдоподобной. У участника конференции Бессонова в воспоминаниях есть следующая фраза: «Когда Холодилов позволил себе бросить ей нестерпимо грязное оскорбление, то мы с Бойко-Павловым дали ему внушительный отпор, а теперь он сам называет ее «потаскухой»».

Партизанское движение, или составные части революционности

В советской исторической литературе партизанское движение в низовьях Амура по имени его командира получило название «тряпицынщина», как дальневосточный вариант «махновщины». Насколько уместно такое сравнение? Я думаю, что уместно. В обоих случаях это была крестьянская война, вождями в которой выступали не коммунисты, а анархисты. С рабоче-крестьянской Красной армией они были близки не только в социальном, но и в политическом плане: имели общих врагов. В идеологическом смысле их объединяла вера в коммунистическое буду-

щее. Что касается тактики борьбы, то террор, как крайнее проявление ненависти, использовали все противоборствующие стороны в гражданской войне, в том числе и большевики.

Партизанское движение в низовьях Амура в нашей исторической литературе описано достаточно полно. Позволю себе только некоторые замечания.

Хотя большевиков на Нижнем Амуре было очень мало, преуменьшать или вообще отрицать их роль в организации партизанской борьбы будет не совсем корректно. В то же время главным побудительным фактором была не агитация большевиков за восстановление советской власти, а экономические проблемы нижеамурской деревни зимой 1919-1920 года.

До революции российский Дальний Восток и Нижний Амур, в частности, полностью зависели от импорта промышленных и продовольственных товаров. Журнал «Вестник Азии» писал, что российский Дальний Восток не мог выдержать конкуренции с привозными, более дешевыми иностранными товарами ввиду удаленности привоза, а вместе с тем и большой ценности, поэтому должны почти совершенно уступить столь богатый и обширный рынок иностранному сопернику. Революция и последовавшая за ней гражданская война этот механизм нарушили.

Зиму 1919 года нижеамурцы встретили в условиях хронической нехватки продовольствия. Крайним оказалось колчаковское правительство, которое при поддержке японских интервентов свергло в сентябре 1918 года просуществовавшую четыре месяца советскую власть. Управляющий Сахалинской областью в донесении в департамент колчаковского правительства об экономическом положении на территории писал: «В последний месяц дороговизна чрезвычайно возросла, спекуляция душит обывателя, борьба с которой, благодаря зависимости от иностранных китайских и японских рынков, до сих пор невозможна. Чаще всего слышатся упреки, ропот на правительство».

Другой экономической составляющей недовольства нижеамурцев колчаковской властью была ее политика в области рыболовства. Как известно, для нижеамурской деревни основной экономической вопрос упирался в судьбу рыбацких заездков. Николаевский-на-Амуре исполком Советов успел национализировать крупный рыбный промысел и разгородить заездки. Новая власть отменила это решение, возвратив их старым хозяевам.

Была еще одна причина для массового недовольства нижеамурцев колчаковским правительством — его сотрудничество с японским экспедиционным корпусом. Командующий японскими войсками в Сахалинской области генерал Козима издал правила по управлению оккупированной областью, в которых было сказано, что территория подчиняется действиям законов Японской империи, а русское население не приравнивается по своим гражданским правам к японским подданным, а рассматривается как население завоеванной страны.

Таким образом, причин для вооруженной борьбы за восстановление советской власти в низовьях Амура было больше чем достаточно. Нужен был только толчок. Анастасьевская конференция 1919 года своими решениями такой толчок дала.

Вот как пишет в своих воспоминаниях о начале партизанского движения в низовьях Амура один из его организаторов *Д. С. Бузин (Бич)*:

«По всему краю бродили небольшие партизанские отряды, состоявшие из местных революционеров, бывших красноармейцев, рабочих и т. д. К ним постепенно присоединялись и все те, кто не хотел и не мог мириться с произволом интервенции, кто стремился добиться свободы для родного народа.

Чем больше свирепствовала реакция и чем больше помогали ей японцы, тем быстрее росли и крепили ряды вольных партизан-повстанцев, главным образом из крестьянской среды. Повстанцы, пришедшие в отряды из сожженных сел и деревень, внесли новый, так сказать, организационный лозунг: «Кто не с нами, тот против нас».

Состав партизанских отрядов был очень пестрым, как и мотивы участия в нем. Один из организаторов борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке *П.П. Постышев* писал в воспоминаниях: «Были в отрядах и кулаки, и люмпен-пролетарии, и выходцы из мелкобуржуазной среды — были не только у Шевчука. Одни шли драться за советскую власть, другие против японцев «За Россию», третьи — чтобы поживиться».

Приняли участие в партизанском движении и малые народности Нижнего Амура. На одном из сходов представителей гиляцкого населения было принято следующее постановление: «Мы, гиляки, никогда не призывали и не будем призывать японских солдат на защиту себя от партизанских отрядов, отказываемся от

всякого покровительства японских войск и требуем, чтобы японские отряды не посещали наши стойбища и скорее оставили нашу землю, в которой устройство порядка принадлежит нам самим. Мы против непрощенных нами пришельцев, будем делать вооруженное сопротивление вместе с крестьянами и партизанскими отрядами. Выйдем все, как один, будем защищать свою жизнь, детей и имущество до тех пор, пока не выгоним из своей земли преступные японские шайки, или ляжем все в борьбе за жизнь и свободу».

Поход в низовьях Амура

В низовья Амура Я. Тряпицын выступил во главе небольшого отряда. По разным данным, — от 10 до 20 человек. По бездорожью, ледяным торосам Амура им предстояло пройти более 800 километров. На всем этом протяжении ни белогвардейских, ни японских гарнизонов не было, за исключением небольших групп казаков в отдельных населенных пунктах.

В селе Малмыж произошло объединение этого отряда с «морским отрядом» Г.С. Мизина, который имел на своем счету несколько достаточно крупных боевых операций. В частности, летом 1919 года на левом берегу Амура в 40 километрах от Хабаровска партизаны захватили в плен начальника Хабаровского кадетского училища полковника Гроссевича, занимавшегося рыбной ловлей под охраной солдат. В августе его отряд провел удачную операцию ниже села Троицкого по захвату баржи с продовольствием, которую тащил на буксире в Николаевск-на-Амуре пароход «Барон Корф».

Почему после объединения двух отрядов командиром стал Я. Тряпицын, а не популярный Г. Мизин, остается только гадать. По некоторым данным, с таким предложением на общем собрании выступил уполномоченный хабаровского военревштаба М.Е. Попко.

Продвижение партизанских отрядов вниз по Амуру было успешным. Крестьяне встречали партизан как освободителей и после собраний и митингов пополняли их ряды. В селах и деревнях создавались сельские ревкомы, которые оказывали помощь партизанским отрядам, организовывали питание и ночлег, готовили лошадей для обоза, отправлявшегося в следующий населенный пункт.

В двадцатых числах декабря 1919 года стало известно, что из Николаевска-на-Амуре движется крупный карательный отряд белогвардейцев. Было принято решение дать бой у села Циммермановка. Общее командование взял на себя Д. С. Бузин. Тряпицын в это время с небольшой группой партизан совершал обходной маневр через прииски Лимуринского и Удыльского районов.

Партизаны бой под Циммермановкой блестяще выиграли, отряд поручика Токарева был разбит. Из всего отряда в 130 человек отступило не более 43, остальные были убиты или ранены. Потери партизан: 3 убитых и 4 раненых. Раненые партизаны и белые были вместе размещены в партизанском госпитале в селе Нижне-Тамбовском.

В первой половине января 1920 года партизаны подошли к Софийску, в котором находился батальон белых под командованием полковника Вица, пришедшего из Николаевска с целью не допустить продвижения партизан к городу. В то время, когда партизаны под руководством Бузина готовились к штурму Софийска, Тряпицын, совершив вновь обходной маневр, во главе отряда из 100 человек вышел на Амур в районе села Богородского. Таким образом, полковник Виц оказался в капкане. Узнав об этом, он покидает Софийск и отходит к Мариинску, где начинает готовиться к сражению с партизанами.

Дальше события развиваются, как в остросюжетном детективе. Вблизи села Богородского партизаны почти без боя перехватывают обоз, который шел из Николаевска с рождественскими подарками, почтой и боеприпасами для батальона Вица. Тряпицын связывается по телеграфной связи с полковником и предлагает ему личную встречу. Виц соглашается, но при условии, что Тряпицын будет без охраны.

Один и без оружия, Тряпицын отправляется в Мариинск. На окраине села его встречают и препровождают в дом, где размещался штаб. О чем говорили с глазу на глаз 23-летний партизанский командир и убеленный сединой бывший полковник царской армии, мы уже никогда не узнаем. Не вызывает сомнений только одно: Тряпицын продемонстрировал незаурядное мужество, а Виц — благородство и офицерскую честь. Тряпицыну была предоставлена возможность выступить перед батальоном, который был построен в центре села.

Речь Тряпицына была короткой, но эмоциональной. Как мне рассказывали очевидцы, главным в его выступлении была японская тема. Интервенты пришли на нашу землю, чувствуют себя хозяевами, грабят и разоряют Россию. Цель партизан — выбросить оккупантов с русской земли и построить в России Трудовую Республику, в которой не будет богатых и бедных, а все будут равны. Эти слова были близки и понятны выстроившимся на площади «белогвардейцам» — жителям Нижнего Амура, поэтому, когда в конце речи он предложил сделать шаг вперед тем, кто готов вместе с партизанами сражаться с японцами, весь батальон, кроме офицерского состава, сделал шаг вперед.

Пока новоиспеченные партизаны, сгрудившись, обменивались впечатлениями об услышанном, читали доставленные Тряпицыным письма от родных и близких, офицерский состав в штабе обсуждал сложившуюся ситуацию. Тряпицын еще раз предложил им перейти на сторону партизан, однако те отказались. У Тряпицына была возможность арестовать офицерский состав, однако он этого не сделал. На благородство полковника Вица он ответил тем же, разрешив им покинуть Мариинск, взяв с собой часть продовольствия и личное оружие. На второй день Виц увел свой небольшой отряд в бухту Де-Кастри.

Дальнейшая судьба этой группы людей была трагична. Русский журналист из Владивостока В. Эч обнаружил на территории де-кастринского маяка журнал смотрителя маяка, который фиксировал все события, а также личный дневник полковника Вица и воспроизвел их в своей книге «Исчезнувший город. Трагедия Николаевска-на-Амуре» (Владивосток, 1920 г.).

Почти до марта эти люди находились на территории Де-Кастри, окруженные со всех сторон партизанами. Отрезанные от внешнего мира, они были обречены на голодную смерть. Видя полную безысходность, Виц своей властью освободил их от присяги на верность, предоставив возможность самостоятельно решать свою судьбу. Сам же принял решение уйти из жизни. На прощанье он написал письмо своей жене и детям в Петроград, в котором просил простить его за самовольный уход из жизни, ибо он не мог выполнить свой офицерский долг перед Россией, а большевистскую власть никогда бы не принял. В предсмертной записке содержались последние просьбы, адресованные офицерам: похоронить его на солдатском

тютюфяке, на берегу океана, лицом к России. Свой пистолет Виц просил передать Тряпицыну в знак признательности за его мужество и благородство.

После самоубийства полковника офицерский состав принял решение сложить оружие. 12 марта 1920 года, во время японской провокации в Николаевске-на-Амуре, партизаны их расстреляли.

Связь времен

В 1987 году я в составе советской делегации ученых принимал участие в советско-американском симпозиуме по проблемам тихоокеанской безопасности, который проходил на Гавайях (США). Однажды вечером мы сидели в ресторане. К нашему столу подошла очень пожилая американка:

— Извините, я услышала русскую речь, здесь это большая редкость. Я русская.

— А как вы оказались в Америке?— спросил я.

— О, это длинная история. Родом я из Николаевска-на-Амуре. Мой отец — рыбопромышленник Люри. Он возглавлял комитет, который в 1922 году принимал от японцев власть в городе. В 1923 году я попала в Харбин, затем была Австралия. Более пятидесяти лет я живу в Америке.

— Я долго жил в Николаевске, изучал его историю.

— Вы знаете историю этого города, — воскликнула она, — какая удивительная встреча! Назовите мне фамилии людей, о которых вы знаете.

Я понял, что она не верила моим словам и хотела проверить.

— Тряпицын, Лебедева, Симадо, Виц, Токарев...— начал перечислять я.

— Хотя я тогда была еще девочкой, но некоторых из этих людей знала лично. Петр Симадо был нашим соседом. Очень богатый человек. Женя Токарев ухаживал за моей сестрой.

— А Тряпицына видели?

— Несколько раз. Красивый, но такой страшный человек... Сколько людей он погубил в Николаевске... Вот и Женю убили...

Я помню, мы тогда с ней пересели за отдельный столик и очень долго говорили о далеком для нее Нижнем Амуре, о людях, которые здесь тогда жили. Для

меня это была история, для нее — неизлечимая рана. А рядом влунном свете плескался теплый и ласковый Тихий океан, так не похожий на воды Нижнего Амура.

Воистину, пути господни неисповедимы.

«Штурмовые ночи Спасска, Николаевские дни»

Это не игра слов, именно такими были слова знаменитой песни дальневосточных партизан «По долинам и по взгорьям». Потом, по политическим мотивам, в песне заменят слова «Николаевские дни» на «Волочаевские дни».

Бескровная победа под селом Мариинским открыла партизанам путь на Николаевск-на-Амуре.

В городе находился японский батальон, насчитывающий около 800 человек, под командованием майора Исикава, а также отряд Белой гвардии — 500 человек под командованием полковника Медведева. Кроме того, в городе была большая колония мирных японцев.

В советской исторической литературе изредка упоминалось, что в Николаевске были и вооруженные китайцы. Это действительно так. Две китайские канонерки осенью 1919 года направлялись с Тихоокеанского побережья порекам Амур и Сунгари в Харбин, но ранние заморозки заставили их зимовать на рейде Николаевска-на-Амуре. К гражданской войне в России они относились нейтрально.

В феврале 1920 года в партизанских отрядах Я. Тряпицына числилось порядка 2000 человек. Сравнительно бескровный двухмесячный поход партизан из-под Хабаровска к Николаевску сформировал у партизан настроение победителей, которым ничто не помешает восстановить советскую власть в низовьях Амура. Желание как можно скорее освободить город было всеобщим. Очень точно эти настроения подметил в своих воспоминаниях *Д. С. Бузин (Бич)*:

«Стремление повстанцев к борьбе и победе было так велико, что сдержать этот порыв и создать какие-либо рамки не было почти никакой возможности. Настроение каждого повстанца того времени удачно охарактеризовано Наумовым (Т. Наумов, бывший штабс-капитан, командир партизанского отряда. — Авт.): «Я хочу, и нет мне преград. Благоразумие? Перемирие? Нет! Ты предатель, и тебе не место среди нас».

Даже естественная медлительность военных операций, вызываемая необходимостью, нервировала повстанцев. Мне не раз приходилось слышать от них: «Чего ждать? Вон предателей японцев, и чем скорее это сделаем, тем будет лучше! Мы хозяева этого края».

Стихийность движения, быстрый рост его, отсутствие связи с Центром и необходимость участия в происходящей борьбе ставили руководителей, выброшенных наверх революционным подъемом из окружающей среды, в тяжелое положение. Таким образом, кто более импонировал массам повстанцев, тот, естественно, держался долго в верхах движения».

Объективно все шло к тому, чтобы партизанское движение в низовьях Амура выродилось в анархию, в худшем смысле этого слова. К чести Тряпицына, ему на этом этапе удалось сдержать стихийность движения в рамках организованной борьбы. Более того, анархист-индивидуалист Я. Тряпицын (так он определял свою партийную принадлежность), анархо-максималистка Н.Лебедева, прибывшая из под Хабаровска накануне штурма Николаевска, большевики Д. Бузин (Бич), А. Комаров, Т. Наумов (Медведь) нашли полное взаимопонимание в необходимости придать партизанской стихийности организованность и порядок. Была проведена реорганизация партизанских отрядов по типу и подобию Красной Армии, созданы полки, роты и батальоны. Командиром первого полка стал большевик Т. Наумов (Медведь), второй полк возглавил большевик Д. Бузин (Бич).

В каждом полку были созданы отряды лыжников и кавалерии (по 100 человек в каждом отряде). В составе 1-го полка был добровольческий отряд лыжников из охотников-нанайцев. Ко второму полку был причислен отряд китайских добровольцев под командованием А. Комарова. Командирами рот и взводов были назначены бывшие унтер-офицеры, а также солдаты царской армии, получившие опыт боевых действий еще в окопах Первой мировой войны. Агитационно-организационный отдел возглавил большевик П. В. Лехов.

Командующим партизанской Красной Армии, именно так она называлась после реорганизации, единогласно был избран Я. Тряпицын.

Наряду с военным строительством велась организационная работа и по гражданской линии. Был избран временный Сахалинский облревком, который до полного освобождения Нижнего Амура являлся высшим органом власти на освобож-

денной территории. В облревком вошли большевики Ф. Павлюченко, Коренев, Зимин, П. Лехов, левые эсеры А. Кривулин, Негиевич-Случайный и другие. Председателем Сахалинского облревкома стал большевик Ф. Железин.

К началу 1920 года положение молодой Советской республики значительно улучшилось. Колчак и Деникин терпели одно поражение за другим. Победы Красной Армии привели к поражению антисоветской военной интервенции. 16 января 1920 года Верховный совет Антанты вынес решение о снятии экономической блокады с Советской России.

На Дальнем Востоке к этому времени на значительной части территории была восстановлена советская власть. В январе 1920 года от колчаковцев были освобождены Владивосток, Уссурийск, Петропавловск-Камчатский. Американские, французские, английские экспедиционные корпуса начали эвакуацию с территории Дальнего Востока. Командующий японскими войсками в Хабаровске генерал Си-рамидзу 4 февраля 1920 года в опубликованной декларации заявил, что японская армия абсолютно нейтрально относится к политической борьбе в России.

Обстоятельства освобождения города Николаевска-на-Амуре представляют большой интерес, ибо вскоре все телеграфные агентства мира будут называть этот город в своих сообщениях из России.

По всем правилам военного искусства, дипломатической гибкости партизанская Красная Армия начала подготовку к освобождению этого города.

Непосредственно на подступах к городу в деревнях Денисовка и Касьяновка, Кахинской бухте, 14-й Рыбалке партизаны провели демонстрацию силы и освободили эти населенные пункты от японцев и белогвардейцев, которые потеряли более 100 человек. Были захвачены большие трофеи: более 100 винтовок, 6 станковых и 3 ручных пулемета, 2 орудия.

18 января партизаны заняли хутор Кабель на противоположном берегу, где и обосновался партизанский штаб.

Трижды штаб партизанской Красной Армии предлагал японскому командованию начать переговоры о перемирии, но каждый раз получал отказ. Более того, партизанский парламентар Орлов (Овчаренко) вместе с ямщиком Сорокиным были арестованы, подвергнуты жесточайшим пыткам, а затем утоплены в проруби на Амуре. Партизаны решили брать город штурмом. Согласно разработанному плану,

в первую очередь предстояло захватить крепость Чныррах, которая расположена в 12 километрах от города вниз по Амуру на его левом берегу, как и сам Николаевск-на-Амуре. Расположенная на сопках в устье лимана, крепость представляла грозную силу, прикрывая вход в Амур вражеским военным кораблям.

Сопки были изрыты подземными переходами и сооружениями на разную глубину. Там были траншеи, окопы, бомбоубежища, подземные снарядные, пороховые, минные и другие склады. Батарейные форты носили названия: «Сигнальный», «Владимирский», «Заозерный», «Преображенский» и «Опасный».

В крепости имелись 6-дюймовые (152 мм) и 12-дюймовые (305 мм) орудия «Виккерс», поражавшие цели на расстоянии более 15 километров, оборудование для установки на воде мин разного назначения. В крепости были электростанция и водопровод, большое количество прожекторных установок, две радиостанции, отдельный телеграф, связывающий крепость с Владивостоком, и узкоколейная железная дорога. У подошвы сопки располагались казармы для личного состава, мастерские, жилые здания и другие строения.

В 1918 году, за несколько дней до высадки японского десанта, по решению Военно-революционного штаба города Николаевска-на-Амуре, крепость Чныррах была приведена в небоеспособное состояние. С орудий были сняты замки и прицельные приборы, которые спрятали в тайниках. Некоторые подземные снарядные и пороховые склады замурованы.

Японцы, после высадки десанта в город, не смогли привести крепость в боееспособное состояние. Использовалась только радиостанция. Японский отряд, охранявший крепость, размещался в казармах бывшей минной роты на Чныррахском мысу и за рекой Пахта. Сторожевые посты находились в разных местах, в том числе на радио станции, Преображенской батарее и у форта Александра Невского.

В ночь на 6 февраля, во время снежного бурана, партизаны начали штурм крепости. Лыжники стремительно заняли форты крепости. Среди партизан были бывшие артиллеристы, которые в 1918 году участвовали в приведении крепости в небоеспособное состояние, при их участии под руководством Якова Есипова были вскрыты тайники, где хранились замки и приборы от орудий, боеприпасы. Два орудия «Виккерс» и две 57-миллиметровые пушки были приведены в боееспособное состояние.

11 февраля под прикрытием артиллерийского огня партизаны перешли в наступление и заняли часть крепостных казарм. Путь на город был открыт.

Днем 11 февраля японцы передали партизанам копию декларации генерала Сирамидзу, в которой говорилось о нейтралитете японских войск к политической борьбе в России. Японцы также просили гарантию сохранения жизни японского гарнизона Николаевска-на-Амуре и имущества.

Партизаны прекратили обстрел казарм крепости и предложили начать переговоры.

Воспользовавшись временной передышкой, японцы в ночь на 12 февраля подожгли помещения военной радиостанции и механической мастерской, вышли на Амур и отступили в город.

Для защиты города на его окраину японцы выдвинули артиллерийские орудия, которые начали обстрел партизанских передовых частей, одновременно несколько орудий были поставлены на позиции рядом с китайскими военными канонерками. Расчет был прост. Партизанская артиллерия, подавляя эти огневые точки, могла случайно повредить канонерки, и тогда бы возник конфликт партизан с вооруженными китайцами.

Разгадав этот замысел японцев, партизаны послали предупреждение городской думе и китайскому консулу, что они будут обстреливать орудия, где бы они ни стояли, а все последствия обстрела города возлагаются на японские войска и на местное городское самоуправление. Ответа не последовало, и тогда 25 февраля партизанская артиллерия начала обстрел города. Только после этого над городом взвилось несколько белых флагов.

В этот же день в колонии прокаженных, расположенной в нескольких километрах от города, состоялась первая встреча участников переговоров. С японской стороны это были поручики Цукамото и Кавамото с двумя переводчиками Накамура и Кавамура, от партизан — Тряпицын, Наумов, Бич (Бузин), Пономарев и Покровский. На этой встрече условились начать переговоры 26 февраля. От японского штаба до колонии прокаженных установили телефонную связь.

26 февраля переговоры начались. По итогам было подписано соглашение о перемирии на три дня с 26 по 28 февраля включительно. В одном из пунктов этого соглашения излагались требования партизанской Красной Армии к японскому ко-

мандованию. В частности, в городе не должны производиться политические аресты. Все арестованные, находящиеся в тюрьмах города, должны быть изъяты из-под охраны белых и переданы в ведение и под охрану японцев или китайцев. Как японские, так и русские белые войска прекращают военные действия в любой форме.

Все три дня перемирия шло обсуждение условий заключения мира. Партизаны проявили недюжинный дипломатический талант при обсуждении условий мира. В порядке сравнения приведу некоторые условия японского командования и ответы партизан на них:

«Японцы: Сдать всю артиллерию и оружие японскому командованию.

Партизаны: Неприемлем, на основании пункта 1 декларации о соблюдении японской стороной нейтралитета (имеется в виду декларация генерал-лейтенанта Сирамидзу о соблюдении японской армией на Дальнем Востоке нейтралитета. — Авт.) и международных законов экстерриториальности.

Японцы: Ограничить число красных, входящих в город.

Партизаны: Неприемлем, на основании того же пункта декларации, на основании того, что наша армия является Советской рабоче-крестьянской, т. е. армией Центрального Российского Советского Правительства, стремящегося восстановить порядок.

Японцы: Освободить всех пленных, как японцев, так и русских.

Партизаны: Мы всегда соблюдаем международные законы, если таковые не нарушаются противоположной стороной.

Японцы: Каким порядком желаете войти в город и какую создать новую власть?

Партизаны: Власть Советов создана. Порядок вступления в город будет зависеть от результатов переговоров».

Твердая позиция партизан, в конечном итоге, привела к тому, что японская сторона согласилась с условиями мирного договора, предложенного партизанами.

28 февраля 1920 года в крепости Чныррах был подписан акт мирного договора на следующих условиях:

«1. Безусловное выполнение японским командованием декларации генерал-лейтенанта Сирамидзу.

2. Полное разоружение белогвардейского отряда города Николаевска и выдача всего вооружения и снаряжения его. (Место выдачи оружия может быть указано нами дополнительно).

3. Все посты до нашего входа в город и замены их нашими постами должны занимать японцы.

4. По выполнению изложенного, японские войска обязаны сдать все караулы нашим войсковым частям и занять указанные им помещения. Вопрос о помещениях может быть разрешен японским и нашим командованием совместно.

Со своей стороны, представители Красной Армии Николаевского фронта также обязуются выполнить предложенные японским командованием требования в редакции, изложенной в ответе на пункты условий японского командования, при сем прилагаемом.

Настоящий договор мы обязуемся выполнить точно и нерушимо».

Утром 29 февраля 1920 года население Николаевска-на-Амуре торжественно встретило вступающие в город полки партизанской Красной Армии.

Освобожденный город

По согласованию с японцами глубокой ночью 28 февраля 1920 года в Николаевск-на-Амуре вошли две роты 1-го полка и отряд лыжников, которые утром следующего дня приняли от японцев все караулы. А в 10 часов утра в разукрашенный красными флагами город въехал Я. Тряпицын и начальник штаба Т. Наумов с эскадронам кавалерии. Вслед за ними по улицам города торжественным маршем прошли части 1-го и 2-го полков. На центральной площади города состоялся многотысячный митинг-парад.

В этот же день японцы передали партизанам офицерский состав белогвардейского гарнизона города. Военно-революционный трибунал начал работать на следующий день. Невинных в экзекуциях и карательных экспедициях трибунал освободил. На свободе оказались капитан Мургабов, подполковник Григорьев, подпоручик Смоленский и другие.

Сахалинское областное земство и городское самоуправление были распущены, и вся полнота власти перешла в руки временного Сахалинского облревкома,

который начал реорганизацию земских учреждений по типу советских органов. Вместо городского самоуправления 1 марта был избран городской совет с четырьмя отделами: распорядительным, хозяйственно-продовольственным, финансовым и техническим.

Проводилась реорганизация отрядов и полков, причем была проведена демобилизация повстанцев старших возрастов. Немедленно приступили к организации милиции. Начальником гарнизона был назначен А. Комаров. Совершенно открыто, гласно шло партийное строительство.

10 марта 1920 года в Николаевске-на-Амуре состоялось первое организационное собрание большевиков по созданию городского и областного комитетов партии. Архивных материалов, подтверждающих этот факт, достаточно.

Большевик Г. Судаков в докладе на заседании Дальневосточного землячества при музее ЦККА в Москве 14 декабря 1933 года говорил: «Я помню большое собрание, на котором было много народа, сочувствующего большевикам и желавшего вступить в ряды большевиков. Однако закрепить это организационно не удалось». Об этом же свидетельствует другой участник партизанского движения Г. Прикшайтис: «В народном доме было организовано собрание, о котором рассказывал товарищ Днепровский, я помню, как он сам принимал членов партии, мы стояли в очереди чуть ли не два часа».

Однако на организационном собрании 10 марта большевикам не удалось создать партийную организацию. О. Ауссем, один из идеологов большевизма в низовьях Амура, писал в своих воспоминаниях: «О партийном руководстве, разумеется, речи быть не могло, и притом по двум причинам. Прежде всего, число коммунистов было слишком ничтожно. Немедленно же после окончания военных действий была сделана попытка создать Сахалинский областной комитет РКП. Собрались нас, помнится, всего человек 10 или 12. Был даже избран президиум в лице председателя областкома Ауссема и секретаря Германа Гапоненко (очень молодой и очень преданный революции партизан, прекрасный товарищ). Первый же вопрос, которым занялся комитет, заключался в том, как бы связаться с сибирским и московским центрами РКП для получения инструкций и информации. Особенно волновал нас вопрос об отношении к краснощекковскому плану создания демократиче-

ской республики ДВР, в котором мы, как и наш анархический штаб, видели измену советскому делу.

...Этот областной РКП в Николаевске-на-Амуре собирался всего два или три раза и никакого влияния на ход событий во всяком случае не имел».

Лучшая организация была все же у анархистов. Они сразу же создали в освобожденном городе свой постоянный клуб, руководил которым Оцевилли-Павлуцкий. Назвать его партийным можно только с известными оговорками. Он больше служил местом для встреч и отдыха партизан и жителей города, хотя там иногда читались лекции по анархистскому движению.

В советской литературе некоторые авторы приписывают Тряпицыну то, чего на самом деле не было в освобожденном городе: начало массового террора против противников советской власти из числа «бывших». Ничего подобного не было вплоть до 13 марта 1920 года, хотя повод для этого имелся.

Следственная комиссия штаба партизанской Красной Армии в присутствии японских и китайских представителей произвела вскрытие захоронений. Так были найдены и сфотографированы трупы партизанского парламентаря Орлова и его ямщика Сорокина. Лицо Орлова было обезображено, глаза выжжены, нос и язык отрезаны, на щеках были видны темные полосы и шрамы, сделанные раскаленным железом, спина исполосована шомполами и нагайками. Из-под снега на льду Амура извлекли трупы николаевских подпольщиков Жердева, Курова, Слепова. Трупы были изуродованы, исколоты штыками, с вывернутыми руками, изрезанными щеками. Все трупы были выставлены в бывшем гарнизонном собрании для обозрения публики и представляли жуткую картину.

По идее, уже на следующий день после такой «выставки» в Николаевске должен был начаться самосуд над сторонниками белой власти, часть из которых находилась в тюрьме. Но ничего подобного не случилось. Анархист Тряпицын и его окружение в этот период времени полностью контролировали партизанскую армию, строго придерживались принципа революционной законности.

На 12 марта 1920 года в городе Николаевске-на-Амуре намечалось открытие Сахалинского областного съезда Советов, который должен был декларировать восстановление советской власти в Сахалинской области.

Казалось, ничто не предвещало грозы. Отношения штаба партизанской Красной Армии Николаевского округа с японским гарнизоном были хорошие, стороны полностью соблюдали достигнутые ранее договоренности. Но в ночь с 11 на 12 марта 1920 года произошло событие, вошедшее в историю как «Николаевский инцидент».

Николаевский инцидент

Правительство в данный момент спешно обсуждает дальнейшие меры в вопросе о николаевских событиях. В последнее время данный вопрос превратился из простого дипломатического инцидента в событие чрезвычайной политической важности.

Японская газета «Осака Майници»

Ключевым моментом для понимания дальнейшего хода событий являются взаимоотношения партизан с японским гарнизоном города накануне съезда Советов.

Вот как об этом писал в своих воспоминаниях один из активных участников тех событий Д. С. Бузин (Бич): «Мы поражались дружкой, любознательностью и предупредительностью японцев, все больше и больше убеждались в хорошем расположении их к красным партизанам. Красные банты на костюмах и шинелях японских офицеров и солдат говорили об успехах нашей агитации. Начались даже срывания погон со словами: «Наша тоже большевика». Открыто говорили, что, когда Тряпицын пойдет к Хабаровску с красными войсками, то японцы пойдут вместе с ними...

Посещая штаб, я всегда видел там японцев, как солдат, так и офицеров. Особным завсегдаем нашего штаба сделался поручик Цукамото, после обильной пирушки он оставался ночевать в штабе и спал в комнате начальника штаба Наумова. Цукамото подкупал меня своей искренностью и невольно внушал особенное доверие к себе».

Партизаны отвечали на дружественные жесты японцев тем же. «Компай»— слышалось не только на банкетах в штабе, но и в партизанских казармах. О командире японского гарнизона в Николаевске майоре Исикава хорошо отзывался Я.

Тряпицын, называя его «великолепным человеком», но не без японской хитрости. Казалось, что более чем 800 вооруженных японцев и 2-тысячная партизанская Красная Армия могут мирно уживаться в Николаевске-на-Амуре до открытия навигации на реке Амур, согласно подписанному 28 февраля мирному договору.

Выяснению причин «Николаевского инцидента» посвящено достаточно много работ, изданных как у нас, так и за рубежом. В основном в них присутствуют две точки зрения. По одной, японский гарнизон Николаевска-на-Амуре, в нарушение условий мирного договора, напал на партизан. Согласно другой — анархист Я. Тряпицын спровоцировал японский гарнизон на выступление. В японской историографии «Николаевский инцидент», приведший к гибели японского гарнизона, подается как «жертва большевиков».

В 1987 году японское общество исследователей истории СССР обратилось ко мне с просьбой подготовить статью по этой проблеме для публикации в японском журнале «История СССР». В том же году она вышла в №45 этого журнала. Как мне впоследствии говорил известный японский ученый профессор Фудзимото, публикаций с критикой моей оценки «Николаевского инцидента» в Японии не было.

Я убежденный сторонник точки зрения, что первыми нарушили условия мирного договора японцы. Сложным для доказательства является сам факт принятия решения для выступления японского гарнизона. Кто принял решение: командир японского гарнизона майор Исикава и японский консул в Николаевске-на-Амуре или главное японское командование на Дальнем Востоке?

Я думаю, что это было коллегиальное решение японцев. Капитуляция японского гарнизона, договор с партизанами были личным позором командира японского гарнизона майора Исикава. Разгромом партизан или своей смертью он как бы реабилитировал себя в глазах командования японским экспедиционным корпусом, сохранял честь самурая.

План майора Исикава разгромить партизан в Николаевске-на-Амуре был одобрен, вероятно, 9 марта в радиотелеграфном разговоре японцев со своим командованием в Хабаровске. Удивительно, но факт, Тряпицын так поверил в дружбу с японцами, что разрешил им пользоваться радиостанцией крепости Чныррах. Если первое время японцы говорили с Хабаровском только на русском языке, то 9 марта

несколько телеграмм были зашифрованы (в архиве г. Томска эти телеграммы есть). К сожалению, они не расшифрованы, но именно в них, на мой взгляд, японское командование из Хабаровска санкционировало «Николаевский инцидент».

11 марта вечером в партизанском штабе был очередной банкет по случаю открывающегося 12 марта Сахалинского областного съезда Советов. Гости разошлись далеко за полночь, а в 3 часа ночи город проснулся от грома разрывающихся гранат и частой ружейной и пулеметной стрельбы. Вот как описывается эта провокация в материалах, представленных делегацией ДВР на Вашингтонскую конференцию, которая проходила с 12 ноября 1921 года по 6 февраля 1922 года:

«В 3 часа ночи, 12 марта, отряд японских солдат, квартировавших в городе, вопреки условиям мирного договора, заключенного с партизанами, внезапно окружил и осадил штаб партизанской армии... и одновременно открыли огонь против всех пунктов. Главный удар был направлен против штаба, по которому японцы открыли ураганный огонь, от разрыва бомб здание штаба загорелось со всех сторон. В штабе в это время находились: Тряпицын — командир партизанской армии, Наумов — начальник штаба и другие служащие со своими детьми. Командиру удалось связаться по телефону с Чныррахской крепостью и центральной военной телефонной станцией, после этого провода были перерезаны. Невозможно было бежать из горящего здания, окруженного японцами, которые ни на минуту не прекращали стрельбы, и люди, находящиеся в здании, начали задыхаться в дыму. Многие были убиты, в том числе и начальник штаба Т. Наумов, Тряпицын дважды ранен. Остаться в здании было невозможно. Решено было покинуть здание и попытаться быстро перебежать в соседний дом. Так и сделали. Во время перебежки многие были убиты».

В первое время японцы имели успех, заняв западную и центральную части города. Партизаны были оттеснены к его окраинам. Лишенные руководства, партизаны по собственной инициативе объединялись в небольшие группы и действовали по своему усмотрению. Растерянность, вызванная внезапным нападением, прошла, руководство боем возглавили партизанские командиры П. Лехов, А. Комаров, Г. Мизин.

Переломным моментом было прибытие в Николаевск Первого Амгуно-Кербинского горного партизанского полка под командованием И. А. Будрина. Этот

полк был сформирован на Кербинских приисках и насчитывал более 300 человек, разделенных на 4 роты, которые возглавляли Андрей Петров, Алексей Князев, Георгий Уртаев и Яков Кононов. 26 февраля полк выступил из Керби в Николаевск-на-Амуре, а утром 12 марта со стороны пригорода Личи вступил в бой с японцами.

Бой на улицах города был жестокий и беспощадный. Никто не предполагал и не допускал мысли, что со стороны миролюбиво настроенных японцев можно было ожидать такого коварства. Этот факт придавал особый эмоциональный окрас происходящему.

Как известно, в Николаевске-на-Амуре находилось несколько китайских канонерок, был и китайский консул. Официально китайцы соблюдали нейтралитет, фактически же китайские матросы приняли участие в уличных боях на стороне партизан. Более того, они предложили партизанам скорострельную пушку.

Во время уличных боев 12 марта группа партизан под руководством Лапты сумела пробиться к зданию городской тюрьмы и арестантского дома при милиции. Там находилось около 40 арестованных, в том числе бывшие белые офицеры николаевского гарнизона. Все они были уничтожены.

На второй день боя стало очевидным, что японская провокация обречена на поражение. Японцы сгруппировались в четырех местах: в каменных казармах, в гарнизонном собрании, магазинах квартала Симады и в здании японского консульства.

Майор Исикава с большой группой солдат и офицеров укрепился в квартале Симады. Когда партизаны подожгли здание, в котором он находился, Исикава с саблей наголо и с криком «банзай» бросился в атаку на партизанские цепи и был убит.

Японцы в плен почти не сдавались, предпочитая смерть пленению, поэтому можно говорить, что они все погибали в уличных боях.

Многие из жителей, прячась от пуль в подвалах домов, бросали имущество на произвол судьбы. Появившиеся хунхузы и русские уголовники, которых в Николаевске-на-Амуре было предостаточно, начали грабить покинутые дома, а в японских кварталах, под видом партизан, вырезали даже семьи. Д. Бузин (Бич) вспоминает: «Я был свидетелем жуткой картины: два красных партизана (китаец и русский) вели троих японских детей в приют. Эту группу догнали несколько ки-

тайцев (видимо тоже партизан), отняли детей, и один из китайцев со словами «Вырастет, все равно будет сволочь» выстрелил из «Смита» в старшую девочку. Но, увидев меня, спешившего к ним с угрозами, китайцы быстро скрылись. Поймать преступников, к сожалению, не удалось».

К утру 13 марта осталось два очага сопротивления японцев при консульстве и в каменных казармах. Осадой консульства командовал И. Лапта, а штурмом каменных казарм — Г. Мизин. Общее руководство осуществлял А. Комаров.

Труднее всего пришлось партизанам, которые вели бой в районе японского консульства. Тряпицын дал указание взять японского консула живым. Все понимали, что последствия «Николаевского инцидента» будут иметь международное значение. Взяв консульство в кольцо, партизаны почти не отвечали на пулеметную и оружейную стрельбу. Несколько раз они отправляли парламентаря с предложением прекратить бессмысленное сопротивление, но каждый раз японцы встречали его оружейной стрельбой, не давая приблизиться к зданию.

Ночью японцы совершили вылазку и сожгли здание, находившееся против консульства, через улицу. Утром 14 марта, в качестве демонстрации силы, было решено произвести несколько выстрелов из 57-миллиметрового орудия по зданию консульства. На несколько минут стрельба прекратилась, а затем одновременно запылали все три дома, принадлежащие консульству. Все находившиеся там японские солдаты вместе с консулом сгорели заживо. Они по-самурайски предпочли плену смерть в огне. Спасти никого не удалось.

К 12 часам дня была восстановлена телеграфная связь с Хабаровском. Начальник штаба Н. Лебедева говорила по прямому проводу с представителем Хабаровского военно-революционного штаба Гейцманом, который сообщил, что японское командование в Хабаровске знает о конфликте в Николаевске. Гейцман просил информировать Хабаровск о подробностях и немедленно прекратить военные действия. Лебедева заверила, что они согласны в любое время прекратить кровопролитие, если японцы пойдут на мирные переговоры.

Вечером 14 марта состоялся еще один разговор с Хабаровском. На этот раз Н. Лебедева говорила с членом Хабаровского военно-революционного штаба Холдиловым. Приведу часть разговора.

«Хабаровск: Как велики жертвы с нашей стороны и есть ли убитые женщины и дети. Как держались, и вообще поведение консульств иностранных государств при выступлении японцев. Из-за чего начался конфликт, причины и повод к выступлению японцев. Точно и определенно отвечайте.

Николаевск: Никакого повода к выступлению не было, и инцидента никакого не произошло. Выступление для нас было совершенно неожиданным, иначе мы не были бы в штабе захвачены. Ведь мы спаслись только чудом, едва не задохнувшись в дыму, перебегая под ураганным огнем японцев. Заключенный нами с японцами мирный договор, казалось нам, гарантировал нас от каких бы то ни было выступлений японцев, наши отношения с ними были дружественные. Они не только шли нам навстречу, но даже предупреждали наши желания, и что побудило их к выступлению, нам совершенно неизвестно. Что касается потерь, то очень велики, так как японский гарнизон, находящийся в Николаевске, уничтожен весь, поэтому потери их нужно исчислять не менее 700. Наши потери: убито 40, ранено около 100».

В виду того, что на улицах города еще шли бои, Н. Лебедева не располагала точными сведениями, занижив потери партизан.

Получив информацию из Николаевска-на-Амуре, представители Хабаровского временного исполкома сумели добиться от японского командования в Хабаровске генерала Ямада приказа остаткам японского гарнизона в Николаевске прекратить ненужное сопротивление. Приказ генерала Ямада немедленно передали в Николаевск, где еще продолжались уличные бои в районе каменных казарм. Как только партизаны получили приказ Ямада, партизанский парламентар с большим белым полотнищем в руках вместе с переводчиком поручиком Кавамуру пошли к японцам. Японцы вновь открыли по парламентарам огонь, но когда узнали Кавамуру, стрельба прекратилась. Только таким путем удалось начать переговоры с японским отрядом в каменных казармах. Познакомившись с приказом генерала Ямада, японцы согласились сложить оружие. 98 мужчин и 4 женщины сдались в плен. Всего же пленных японцев было 132 мужчины и 4 женщины, т.е. 136 человек. Потери партизан: в городском саду похоронили 124 человека, 17 гробов были отданы родственникам. Количество раненых и обмороженных составило 250 человек.

Принимая во внимание важность происшедшего конфликта, для расследования обстоятельств выступления японцев было создано две комиссии. Одна из них международная, в которую вошли от русского населения 6 человек, а также представители Китая, Кореи, Польши. Другую комиссию составили только представители от русского населения, в нее вошли: И. Харитонов, П. Лехов, Д. Бузин (Бич), Г. Судаков, Ф. Железин и П. Губанов. Хотя обе комиссии работали независимо, вывод, к которому они пришли, был идентичен — японские войска первыми напали на партизан. Вот как об этом сказано в материалах *международной комиссии*:

«4. Устанавливается целым рядом показаний граждан города, переводчика Кавамура и других пленных-японцев, что японский гарнизон, без всяких предупреждений, неожиданно для всех русских, в ночь с 11 на 12 марта, напал на русские силы и учреждения во многих пунктах города, открыл усиленный ружейный и пулеметный огонь, забрасывал город гранатами, и к утру 12 марта Николаевск почти весь был в руках японцев...

7. Устанавливается, что японское командование, в целях сокрытия причин выступления, приказало, в случае неудачи, уничтожить все секретные документы, дабы таковые не попали в руки русских и не были опубликованы, разоблачая подлинную японскую политику на Дальнем Востоке (показания пленных японцев-офицеров)».

В конце марта 1920 года в Николаевск-на-Амуре приехала специальная комиссия из Хабаровска для расследования обстоятельств столкновения. Первоначально планировалось, что в эту комиссию войдут представители от японского командования штаба генерала Ямада, но последние отказались участвовать в этой комиссии. Причина абсолютно понятна. Японцы и без комиссии знали, кто совершил нападение. Ставить свою подпись под официальным признанием этого факта не входило в японский план.

В результате изучения документов, опроса очевидцев событий и пленных японцев комиссия установила, что «...японский гарнизон без всяких предупреждений, неожиданно для всех напал на русские силы, во многих местах города открыв ураганный огонь... с точки зрения международного права, русские власти в Николаевске были настолько уверены в своей правоте, что немедленно же после боя

приняли меры к созыву международной следственной комиссии для расследования «Николаевской трагедии».

Несмотря на то, что документы со всей очевидностью свидетельствовали, что «Николаевская трагедия» является ни чем иным, как заранее спланированной провокацией, правящие круги Японии во всем обвинили партизан.

Николаевская коммуна

15 марта 1920 года, когда еще не развеялся дым пожаров после японского выступления, в Николаевске-на-Амуре открылся съезд Советов Сахалинской области. Руководили съездом большевики. Председателем был избран С. Бунин, его заместителями П. Лехов и Ф. Железин. Впервой же принятой *резолуции съезда* говорилось:

«Съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Николаевского округа и острова Сахалин с великой радостью отмечает, что после полуторагодового свирепствования военно-буржуазной диктатуры, со всеми ее кровавыми ужасами, на далекой окраине Дальнего Востока восстанавливается советская власть трудящихся. Глубоко верим, что близок торжественный час, когда разрозненные части нашей могучей республики снова воссоединятся под знаменем единой Советской Федеративной Социалистической Республики. Съезд напоминает всем трудящимся, всем тем, кому дорога добытая великими мучениями и беспримерными страданиями завоеванная советская власть, которая лишь одна жизненной правдой охватывает все лозунги нашей освободительной борьбы, что борьба с вражеским станом еще не окончена, что из пределов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики еще не выведены все иностранные войска, что опасность нанесения Японией предательского удара еще не миновала, и что поэтому советской власти, в особенности на Дальнем Востоке, еще предстоят, быть может, весьма тяжелые испытания».

Много внимания на съезде было уделено вопросам хозяйственного развития области. В центре внимания делегатов съезда стоял рыболовный вопрос.

В 1907 году царским правительством была подписана с Японией рыболовная конвенция. Принимая во внимание, что конвенция была заключена сроком на 12 лет и срок ее истек в 1919 году, *съезд Советов постановил*:

«Дальнейшее существование конвенции в корне подрывает рыбное хозяйство в крае и препятствует переходу всех капиталистических промыслов в ведение русского трудового народа, а также, принимая во внимание ту предательскую политику, которую империалистическая Япония ведет на Дальнем Востоке, съезд трудящихся Сахалинского округа постановил: дальнейшее действие конвенции не признавать и просить центральное Советское правительство о срочном издании соответствующего декрета об ее аннулировании».

Для хозяйственного строительства в области требовались рабочие руки. Съезд Советов принял решение провести демобилизацию из партизанской Красной Армии старших возрастов, одновременно было решено «...признать также необходимым организовать дело призрения семей призванных в ряды армии, в первую очередь в спешном порядке обеспечить семьи партизан Красной Армии, павших в боях».

Для многонационального населения Сахалинской области большое значение имело уравнение в правах русского и коренного населения. По этому вопросу съезд решил «... считать местное коренное население правомочными русскими гражданами. Бережно относиться к более слабому гилияцкому населению».

Для соблюдения правопорядка и борьбы с нарушителями революционной законности был образован областной и волостные народные суды, судебная следственная комиссия, народный революционный трибунал, коллегия правозащитников. Председатели этих органов юстиции входили в состав областного исполнительного комитета.

Председателем Сахалинского облисполкома был избран большевик Ф. Железин, его заместителем и одновременно комиссаром промышленности большевик О. Ауссем. Ведущие комиссариаты также возглавили большевики: горный — Будрин, народного образования — Д. Бузин (Бич), социального обеспечения — П. Иваненко, милиции — Т. Андреев, военным комиссаром стал командующий партизанской Красной Армией анархист Я. Тряпицын. Вошла в состав облисполкома и максималистка Н. Лебедева.

Состав облисполкома свидетельствует, что большевики и анархисты придерживались одной линии на будущую форму власти в области — советскую власть.

Как писал в своих воспоминаниях О. Ауссем, «первыми своими решениями облисполком начал проводить политику, целью которой было создать коммуну производителей и потребителей с единой централизованной региональной экономической системой, для которой должно работать все население, получая взамен необходимые предметы потребления».

28 апреля на заседании облисполкома слушался вопрос «О национализации домов, построек и вообще имущества у граждан, владеющих излишком». Было решено:

«1. Определить предел частной собственности, кроме вещевого и пищевого пайка, в денежной сумме по современной цене, а что сверх того — национализировать.

2. Проводя принцип аннулирования капиталистического строя, национализировать доходные дома, оставив владельцам часть таковых по потребительской норме».

Был принят декрет о национализации коммерческих банков и крупных предприятий, принадлежащих русской буржуазии. В отношении мелких российских предприятий и крупных иностранных было решено взять их на учет и при надобности национализировать. Что вскоре и было сделано.

В архивах сохранилось много документов, как на практике реализовывалась борьба с частной собственностью.

Вот один из документов:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие партизану вверенного мне полка Александру Смагину на право получения мандата для реквизиции письменного стола в доме Генрихсена для канцелярии обоза.

Командир полка Б. Амуров

Исторически сложилось так, что низовья Амура обеспечивались продовольственными и промышленными товарами с соседних областей Дальнего Востока, а также за счет ввоза товаров из-за границы. гражданская война и последовавшая за ней интервенция нарушили этот исторически сложившийся товарооборот, поставив

Сахалинскую область в исключительно тяжелое экономическое положение. Надо было до открытия навигации прокормить почти 20 тысяч человек.

Партизаны, освободившие город, пришли из тайги оборванные, голодные, измученные 900-километровым переходом из-под Хабаровска в Николаевск, поэтому политику экспроприации встречали восторженно, как акт справедливости. Чего не скажешь о местном населении.

Облисполкомом была разработана целая система продовольственных мероприятий, цель которых состояла в конфискации хлебных запасов у частных торговцев и введении монополии на торговлю со стороны продовольственного отдела облисполкома. Был установлен строжайший учет всего продовольствия и контроль над его распределением. Для всего населения была введена карточная система.

22 апреля в газете *«Призыв»* было опубликовано объявление: «Всем торговым предприятиям и отдельным лицам, как русским, так и иностранным, торговлю в городе Николаевске с сего числа прекратить впредь до особого распоряжения».

До установления советской власти в низовьях Амура использовалась валюта разных стран. Наравне с российским рублем имели хождение и доллары США, и японские иены, и китайские юани. Наиболее распространенной валютой были деньги, выпускавшиеся японской фирмой Петра Николаевича Симада, местного мультимиллионера. Облисполком принял решение выпустить собственные деньги. С 30 апреля по постановлению Исполнительного комитета «...для устранения недостатка в денежных знаках выпускаются деньги достоинством в 250 рублей». Экономической целесообразности в этом не было, так как после введения карточной системы валюта не имела ценности. Эти деньги стали называться «тряпицынские».

Своеобразно решался вопрос о рыболовстве в преддверии предстоящей путины. Для нижеамурцев лозунг «Вся власть Советам» был идентичен лозунгу «Долой заездки». Своими первыми решениями заездки как орудия хищнического лова рыбы уничтожались. Рыболовные участки объявлялись собственностью народа. Вместе с тем в облисполкоме понимали, что своим решением о ликвидации заездков они оставляют население без рыбы. Причина в том, что у беднейшего крестьянства право на рыбалку появилось, а вот сетей и рыболовных снастей не было. Для советской власти выполнить ранее принятое решение о ликвидации заездков

означало в будущем экономическое самоубийство, а восстановить заездки в правах — политическое самоубийство, так как это дискредитировало бы их в глазах нижеамурского крестьянства. Политика взяла верх над экономикой.

Сегодня трудно себе представить, но факт, в условиях сложнейшей экономической и политической обстановки Нижнего Амура власть активно занималась просветительской деятельностью, ликвидацией неграмотности, вела культурную работу. Инициатором этой работы была начальник штаба партизанской Красной Армии, член Сахалинского облисполкома Нина Лебедева.

О. Ауссем писал в своих воспоминаниях:

«В области культурной работы величайшую энергию и преданность продемонстрировала Нина Лебедева. Культурная работа в Николаевске всегда будет оставаться яркой страницей в ее биографии. Она была центральной фигурой в деле просвещения. Очень общительная по натуре, с ярким революционным темпераментом, она вдобавок была привлекательной женщиной и очень хорошим оратором, знала, каким языком говорить с партизанами».

В городе была открыта народная консерватория. В положении о ней говорилось:

«Народная консерватория имеет собою содействовать эстетическому воспитанию широких народных масс путем всестороннего образования в области музыки и пения, развития музыкального вкуса.

Народная консерватория, как составная часть Пролеткульта, находится в ведении комиссариата просвещения.

Преподавание музыки и пения на всех ступенях обучения бесплатное».

Функционировал в городе народный университет. К примеру, 27 апреля в нем читались лекции: А. Аксенов «Старый порядок во Франции», Акимов «Человек во вселенной», Любатович «Естественные богатства как первая основа благосостояния народа».

В городе были созданы школы первой ступени «для обучения неграмотных и малограмотных партизан». Посещение занятий было строго обязательным. Общее руководство школьным образованием возлагалось на заведующего внешкольным отделом комиссариата просвещения Харитонова.

Сказать, что все жители Николаевска приветствовали политику военного коммунизма, которую проводила советская власть, будет большим преувеличением. Нижнеамурцы всегда жили лучше других территорий Дальнего Востока. Правильнее будет сказать, что они смирились перед партизанской силой. Боясь последствий открытого противодействия этой политике, николаевцы скрытно роптали. Облисполком несколько раз на своих заседаниях рассматривал меры по борьбе с «провокационными слухами». Было выпущено несколько воззваний к населению. Вот одно из них: «Мы не боги, а люди, перед которыми поставлена непосильная задача: продовольствия мало, одежды и обуви почти нет совсем, денег тоже, а нужда всеобщая и тяжелая. Злонамеренные люди или несознательные пользуются этим, чтобы натравить вас на вашу советскую власть, чтобы разделить нас с вами, чтобы ослабить нас всех перед лицом наступающего врага».

26 апреля на специальном заседании облисполкома рассматривается вопрос о состоянии агитационно-массовой работы среди населения по предупреждению провокационных слухов о деятельности советских учреждений. В постановлении облисполкома говорилось:

«1. Вменить в обязанность всем членам облисполкома информировать население о деятельности исполкома вообще и на предлагаемые вопросы в частности, правильно, согласно вынесенных письменных постановлений и полученных официальных информации.

2. Комиссарам, каждому в отдельности, предложить стать ближе к принадлежавшим ему союзам и организациям, с целью правильного освещения того или иного вопроса.

3. Предложить агитационному отделу разработать проект расширения агитационной работы».

Какой можно сделать вывод о практике строительства «Николаевской коммуны». Она почти зеркально повторяла политику военного коммунизма центральной России. Знали ли нижнеамурцы об этом опыте? Безусловно, да. О. Ауссем, бывший тогда заместителем председателя Сахалинского облисполкома, писал в своих воспоминаниях: «Большевистский опыт наш застыл, так сказать, на 1918 году». П. Виноградов, возглавлявший следственный отдел у Тряпицына, в своих воспоминаниях указывает, что Тряпицын хорошо знал постановление Совета народ-

ных комиссаров от 5 сентября 1918 года «О красном терроре». В этом постановлении, в частности, говорилось: «... обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью..., что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам».

Из архивных документов следует, что Я. Тряпицын очень высоко ценил В. И. Ленина. По случаю 50-летия В. Ленина по всем ревкомам ушла информация за его подписью, в которой говорилось:

«Больше 20 лет целиком посвящены Лениным нашей рабочей партии. Жизнь Ленина так переплетается с жизнью партии, что буквально невозможно отделить одно от другого. Пусть назовут нам другое имя из всей новейшей истории человечества, которое заставляло бы быстро и учащенно биться сердца стольких миллионов людей, как имя Ленина; наиболее могучая, наиболее великая фигура, которую выдвинуло освобождающееся человечество, мировой пролетариат — вот каков Владимир Ильич Ленин!»

Именно ленинской моделью военного коммунизма руководствовались нижеамурцы, когда создавали механизм функционирования «Николаевской коммуны» в 1920 году. Чтобы устоять перед лицом мелкобуржуазной стихии, нижеамурцы использовали жесткую регламентацию хозяйственной жизни, распределение, контроль. Сделать это без неограниченного насилия было нельзя, ибо «мелкая буржуазия сопротивляется против всякого государственного вмешательства, учета и контроля» (В. Ленин).

Называть этот период деятельности нижеамурцев «бандитским» можно только при условии, если считать «бандитской» ленинскую политику военного коммунизма.

Партизанское движение в низовьях Амура в официальной советской исторической литературе квалифицируется как «выродившийся в бандитизм нарост пролетарской революции». Начало «бандитского» этапа относят к практике. Такая оценка правомерна, более того, она является зеркальным отражением политики большевиков после Октябрьского переворота в России. Единственным отличием был термин «нарост».

То, что в низовьях Амура характеризовалось этим термином, в большевистской стратегии называлось диктатурой пролетариата. Кто ее реализует на практике:

большевики, эсеры, анархисты или максималисты — не суть важно. Ленин и большевики в период гражданской войны не просто теоретически обосновали насилие, но и возвели месть в ранг высшей революционной политики. «Диктатура означает неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть» (В. Ленин).

Знали ли нижеамурские борцы за власть Советов большевистскую политику революционного террора, пик которой пришелся на осень 1918 года после покушения на Ленина эсерки Фани Каплан. Несмотря на отдаленность от центральной России, я могу утверждать, что знали.

Антибуферная политика Тряпицына

В конце апреля — начале мая 1920 года обстановка в низовьях Амура день ото дня становилась все напряженнее и сложнее. С приближением весны возрастала угроза вторжения японцев, которые могли попасть сюда только после того, как Амур вскрыется ото льда. В это же время началось открытое противодействие нижеамурцев строительству на Дальнем Востоке буферного государства — Дальневосточной Республики.

Я оставляю за скобками оценку политической целесообразности создания буферного государства. Эта проблема еще требует своего изучения. В советский период историки единодушно считали создание ДВР плодом «мудрой политики Ильича».

Чем руководствовался Я. Тряпицын, когда выступил против строительства на Дальнем Востоке буферного государства? Если коротко, то — ненавистью к интервентам и верностью советской власти.

Он считал, что авторы строительства на Дальнем Востоке буферного государства — Приморское земство и попавшие под его влияние коммунисты.

Еще 29 марта он отправляет через Иркутск и Омск радиogramму Ленину, в которой обращался к Советской России за помощью, руководящими указаниями и моральной поддержкой и просил: «... сообщите ваш взгляд на создание буферных государств на Дальнем Востоке?»

По всей видимости, какой-то ответ на эту радиogramму был получен, к сожалению, я его найти в архивах не смог. Косвенные доказательства ответа есть, ибо

31 марта в радиোগрамме, отправленной в Москву, Омск, Иркутск, говорилось: «Красная партизанская армия Дальнего Востока, заброшенная на далекой северной окраине, получив привет от товарищей из России, в свою очередь приветствует российский пролетариат в его героической борьбе и доблестную Советскую армию, освободившую Сибирь от кровавого царства буржуазной диктатуры и офицерской опричнины... Партизанская Красная Армия Дальнего Востока написала на своих знаменах лозунг советской власти, и лозунг этот понесет до тех пор, пока не добьется полной победы. Мы объявили беспощадную войну всем врагам трудящихся. Долой соглашательство! Долой интервенцию! Да здравствует Великая Российская Советская Республика! Да здравствует Интернационал!»

Одновременно нижнеамурцы пытаются объединить под лозунгом борьбы с буфером другие территории Дальнего Востока.

В радиোগрамме «Анадырь. Предсовета Рыбину» он сообщает, что «согласно директив Центра, он должен удержать Николаевск во что бы то ни стало и объединить все советские районы вокруг Николаевска». В Петропавловск-на-Камчатке сообщает: «Исполкому и штабу Николаевского округа, являющемуся в настоящий момент органом, объединяющим районы Амура, Хабаровска, Керби, острова Сахалин и Николаевского района, предоставляются особые полномочия». В другой радиোগрамме, отправленной туда же, говорится: «Согласно циркуляра от штаба Николаевского округа, по всем вопросам Камчатка должна выполнять распоряжения Николаевского штаба. За невыполнение распоряжений штаба виновные подвергаются ответственности по законам военного времени».

«Охотск, Керби, Анадырь, Петропавловск-на-Камчатке, Сахалин и всем, всем, всем. 9 апреля 1920 года.

Ввиду чрезвычайных военных событий и создавшегося исключительного положения на Дальнем Востоке, когда Сахалинский район оказался совершенно отрезанным от других областей, районы Охотска, Керби, Анадыря, полуострова Камчатка объединяются в одно целое с центром в городе Николаевске-на-Амуре... По всем вопросам надлежит обращаться в штаб Красной Армии Николаевского округа, ныне расширенного.

Командующий Красной Армии Николаевского округа

Я. Тряпицын».

10 апреля состоялось заседание окружного исполнительного комитета Николаевского округа, на котором рассматривался вопрос «Об объединении районов, соприкасающихся к Николаевскому округу с военной точки зрения, как то Камчатка, Охотск, Анадырь, остров Сахалин». Было принято решение включить указанные территории в состав Сахалинской области.

На этом же заседании было принято еще одно политически важное решение: «О необходимости предоставления особых полномочий Военному комиссариату, в связи с полученными директивами от центральной власти». Обосновывалось это так:

«Ввиду создавшегося международного положения и чрезвычайных военных событий на Дальнем Востоке, а также согласно директив, полученных от центральной советской власти через Иркутск, исполнительный комитет признает необходимость передать военному комиссариату особые полномочия с правом, в случае необходимости, делать распоряжения всем учреждениям и лицам, минуя гражданские власти».

Как оценить попытку Тряпицына объединить вокруг Николаевска территории севера Дальнего Востока? Безусловно, здесь присутствовал фактор «головокружения от успехов» — разгром японского гарнизона в Николаевске-на-Амуре. С другой стороны, у нижнеамурцев все же были директивы, как они говорили «от центральной советской власти», на такие действия. Вопрос в том, что они пока не найдены.

Антибуферная политика Тряпицына встречала поддержку на части территорий Дальнего Востока. Так, первомайское общее собрание трудящихся Охотска и прилегающих приисков выступило с протестом против предательской работы земцев и соглашателей и решило не признавать буферного государства, «...фактически выливающегося на Дальнем Востоке в японо-белогвардейскую оккупацию. Собрание находит совершенно ненужными указания Владивостокского и Хабаровского центров, ибо это является лишь издевательством, если не сказать больше.

Рабочие и крестьяне считают, что оккупация Японией Дальнего Востока неизбежна... и никакая дипломатия не предотвратит ее.

Пусть мы остались одинокие, но мы решили не опускать рук, не бросать идеи рабочего люда, мы уверены, что недалек час освобождения, ибо буржуазия бьется в последней агонии».

Военные руководители Сибири и Дальнего Востока неоднократно пытались убедить Тряпицына признать создание на Дальнем Востоке буферного государства — Дальневосточную Республику.

Приведу телеграфный разговор П. Постышева с Я. Тряпицыным:

«Хабаровск. У аппарата Постышев... От вас именем партии коммунистов требуем опровержения (призыва к борьбе с Японией. — Авт.). Убедительно просим вас быть осторожным к подобным телеграммам. Я являюсь политическим уполномоченным в Хабаровском районе. Уполномочен Центральным Комитетом Российской Коммунистической партии.

Николаевск. Мы ни в коем случае не дадим опровержения, пока не будем знать, что тех личностей в Хабаровске у власти нет.

Хабаровск. Товарищ Тряпицын, ваш взгляд на политику Хабаровска и Владивостока, не касаясь отдельных частей, я говорю об общей политике, которая исходит из Москвы, ошибочный... Мы не решаем вопросы с точки зрения Хабаровской колокольни, не советуем и вам решать их со своей колокольни... Именем Центрального Комитета Российской Коммунистической партии, требую опровержения провокационной телеграмме».

Из Иркутска, Хабаровска, Владивостока постоянно одна за другой идут телефонограммы с требованием признать буфер. Тряпицын отвечает отказом. Он убежден, что буферная политика ошибочна, а Центр ее проводит в силу незнания местных условий.

1 мая из Николаевска уходит телефонограмма:

«Благовещенск, через Керби. Срочно. Главный штаб Дальвостока. Копия: Благовещенский союз максималистов.

...Если ваш взгляд на буфер и Владивостокское Временное правительство отрицательный, то об этом нужно официально заявить Центру, ибо там существует мнение, что на Дальнем Востоке советская власть никак не может привиться и ее можно ввести обязательно эволюционным путем. Вот почему Советская Россия и поддерживает возможность существования буфера».

Перепапка Тряпицына с коммунистами по вопросам буферного строительства продолжалась до оставления Николаевска-на-Амуре. Сотрудничая с коммунистами в период партизанской борьбы за власть Советов, он из-за «буферной политики» назвал их предателями трудового народа.

«Иркутск — Янсону. Копия Москва — Ленину.

...Вы своим буфером предали всю Красную Армию Дальнего Востока».

Выступая на гарнизонном собрании Николаевска 28 апреля 1920 года, Тряпицын заявил, что в буферной политике больше всего заинтересовано реакционное земство и коммунисты: «... Во всех деяниях земству помогала называвшая себя коммунистами партия... Они прикрывались званием коммунистов и делали свое гнусное дело, что им и удалось».

Логика мыслей Тряпицына против буферного строительства очень четко прослеживается в принятом облисполкомом «Обращении к трудовому населению низовьев Амура».

«Нас уверяют, что Советская Россия нашла необходимым организовать буферное государство на Дальнем Востоке. Что же такое буферное государство и для кого оно нужно?

Буферное государство должно служить буфером или, иначе говоря, преграждением между Советской Россией и Японией. Такое государство необходимо только для Японии, буржуазное правительство которой боится, чтобы японский трудовой народ не заразился большевизмом и не сбросил бы его со своей спины.

Форма правления в таком государстве будет, конечно, буржуазная, а не народная, хотя они и уверяют, что в земстве сидят ставленники народа. О Государственной Думе тоже говорили, что сидят выборные от народа, а на самом деле были одни помещики и дворяне. И здесь, в земстве, такая же картина, так как выборы будут проводиться постепенно с просевом, дабы трудовой народ не стал сам у власти, а управляли бы им капиталисты и их прихлебатели. Следовательно, в земстве сидят не выборные от народа, а, наоборот, ставленники буржуазии. И вполне понятно, чьи интересы будет защищать такая власть.

Так может ли Советская Россия, защищая интересы трудового народа, желать образования на Дальнем Востоке буферного государства и призывать вас, товарищи, сплотиться вокруг них и поддерживать их у власти. Ни гадость ли это!

Мы боролись за советскую власть, будем продолжать бороться и только ее признаем...

Помните, товарищи, что вся Россия находится под властью Советов и недалек тот час, когда к нам придут Советские войска и помогут освободиться от непрошенных господ японцев. Горе тогда тому, кто душой был на стороне японского земства и поддерживал его».

Согласитесь, при таком подходе в буферной политике конфликт Тряпицына со сторонниками этой идеи в своих же рядах был неизбежен. Нужен был только повод. И он вскоре представился.

Заговор против Тряпицына

История партизанского движения в период гражданской войны в России дает нам много примеров проявления анархизма его участниками. При этом они имели место и в том случае, когда руководство находилось в руках большевиков, и тогда, когда командирами были анархисты или максималисты.

Я уже говорил ранее о социальном составе партизанских отрядов Нижнего Амура: одни шли сражаться за власть Советов, другие — против интервентов, третьи — чтобы пожить. Достаточно было в партизанских отрядах и бывших уголовников с сахалинской каторги. Естественно, что все это не могло не отразиться на соблюдении дисциплины, законности и порядка. Если в период похода партизан на Николаевск командованию удавалось сдерживать партизанскую вольницу, то после освобождения города это становилось делать все труднее и труднее.

В архивах сохранилось большинство приказов и распоряжений Тряпицына по партизанской армии Нижнего Амура за 1920 год, из которых видно, что он пытался бороться с партизанской вольницей. Вот лишь некоторые примеры.

14 марта 1920 года: «Лица, замеченные в пьянстве, мародерстве или распускающие ложные, провокационные и злонамеренные слухи, будут расстреливаться без суда.

Всем лицам, взявшим или получившим от кого-либо во время выступления японцев и пожаров не принадлежащие им вещи, немедленно сдать таковые заведующему реквизиционными комиссиями в доме Миллера тов. Сасову. Неисполне-

ние этого распоряжения будет караться самым суровым образом, вплоть до расстрела».

23 марта 1920 года: «Ввиду осадного положения в городе продажа спиртных напитков, а равно одурманивающих веществ и изготовление таковых строго воспрещены. Задержанные в пьяном виде будут арестовываться и привлекаться к ответственности».

27 марта 1920 года: «Все обыски и аресты, по каким бы то причинам они вызваны ни были, должны производиться с ведома милиции или в присутствии таковой».

Все учреждения и организации, коим предоставлено право производить обыски и аресты, обязаны уведомлять о том милицию, которая должна присутствовать при всех арестах, обысках, выемках».

7 апреля 1920 года: «Предлагается командирам полков и начальникам отдельных частей произвести выборы по всем войсковым частям представителей в кандидаты очередных заседаний для участия в отправлении правосудия в окружном народном суде и революционном трибунале. На 50 человек предлагается избрать 1 кандидата».

24 апреля 1920 года: «По имеющимся в штабе сведениям, в последнее время в воинских частях между партизанами стала прогрессировать азартная картежная игра на деньги, с довольно крупными ставками».

Принимая во внимание, что картежная игра относится к одному из злейших пороков человечества, так как одних разоряет, а других от легкой наживы развращает пьянством и другими пороками, причем спиртоносы, самогонщики и другие преступные элементы наживаются на этом, картежная игра среди партизан не должна иметь место.

Командиры частей должны следить за поведением своих партизан и будут отвечать за поступок каждого из своих партизан, как за свои собственные.

Виновные в неисполнении настоящего распоряжения, будут подвергаться ответственности по законам военно-революционного времени». Цитирование подобных документов можно было бы продолжить, но мне кажется, что и этого достаточно. Ясно, что Тряпицын пытался сдерживать беспредел. Вопрос в другом — насколько ему это удавалось. Оставшиеся в живых участники гражданской войны в

низовьях Амура в ответе на этот вопрос разделились на два диаметрально противоположных лагеря.

Бывший заместитель председателя Сахалинского облисполкома О. Ауссем пишет: «Несмотря на отсутствие партийного руководства, николаевский исполнительный комитет и вся местная советская власть строили жизнь в соответствии с замыслами Коммунистической партии Советской России. Среди белых офицеров и правительственных служащих были убиты только те, кто действительно виновны в насилии против трудового народа и активном открытом предательстве. Остальные были освобождены. Я категорически заявляю это как бывший заместитель председателя исполнительного комитета... Наши трибуналы были беспощадны только к тем, чье сотрудничество с интервентами было доказано. Красные получили в свое владение фотографию документа со 102 подписями граждан Николаевска, которые в августе 1918 года просили японского адмирала оккупировать Николаевск и свергнуть советскую власть».

Другой активный участник партизанского движения П. Прикшайтис говорит прямо противоположное: «К концу марта и началу апреля Тряпицын по своему поведению никак не был представителем советской власти или проводником партийной большевистской революционной борьбы. К этому времени он стоял на грани прямых антиреволюционных действий, окружив себя группой самых отъявленных антиобщественных и жестоких лиц, убийц вроде Сасова, Горелова, Оцевилли, Лапты, Оськи Крученного».

В чем причина столь крайних оценок?

Первопричина лежит в том, что еще в 1920 году большевики по конъюнктурным, политическим мотивам дали оценку партизанскому движению в низовьях Амура как «выродившемуся в бандитизм движению». В соответствии с этой оценкой его участники разделились на «бандитов» и «революционеров». Одни получили удостоверения партизана и все причитающиеся за это льготы, другие — репрессировались советской властью и до конца своих дней носили на себе, как черную метку, слово «тряпицынец». Я встречался и с теми, и с другими и могу это подтвердить.

И что характерно, партийная оценка партизанского движения в низовьях Амура могла быть прямо противоположной при определенных обстоятельствах, и тогда бы Чапаев и Тряпицын стояли в одном ряду, как герои гражданской войны.

Аресты, незаконные реквизиции, насилие, доносы, пьянство и мародерство сопутствовали красному партизанскому движению, как, впрочем, и белому, по всей территории России. Отличие было только в терминологии «революционное» и «контрреволюционное». Только риторикой «красный террор» отличался от «белого террора».

Самое серьезное обвинение, выдвинутое против Тряпицына, — физическая расправа со своими идейными противниками — коммунистами. В отдельных воспоминаниях отношение Тряпицына к коммунистам подается как открыто антагонистическое. Например, секретарь народного суда над Тряпицыным в Керби С. Птицын в своих воспоминаниях писал: «...Мизин и Будрин считались вопале у Тряпицына и потому с открытой, легальной платформой своих взглядов не выступали, нелегальную же работу, потихоньку от Железина, вели среди партизан бывшего Кербинского отряда и частично среди партизан артиллерии через Я. Кононова, Н. Ковалева, П. Березовского, партизан этой части и среди рабочих речного транспорта... Коммунисты созывали нелегальные собрания, на которых обсуждали вопросы изменения порядка управления сначала мирным путем собраний и митингов, а затем, в случае надобности, путем переворота и снятия руководителей — Тряпицына и других».

Ему вторит бывший начальник штаба горно-партизанского Амгуньского полка И. Кузнецов. «...Мы пришли к убеждению, что исправить положение можно только путем замены руководящего состава округа большевистским. На расширенном заседании комитета большевистской организации было решено развернуть подготовительную работу в партизанских отрядах по замене состава штаба округа лучшими командирами из большевиков, так как анархо-левоэсеровский состав штаба своими действиями подрывал авторитет советской власти».

Какой напрашивается вывод?

Группа большевиков готовила заговор против командного состава партизанской армии. Я подчеркиваю «группа», ибо в Николаевске-на-Амуре в этот период не было организационно оформленной большевистской организации. Она появи-

лась позже, об этом свидетельствует информация, опубликованная в газете «Призыв»: «5 мая организовалась партия коммунистов (большевиков). Избран комитет партии в составе 5 лиц: тов. Ауссема, Кузнецова, Шмуйловича, Фраермана и Гетмана.

Лица, желающие вступить в партию, должны подать письменное заявление и могут быть приняты по рекомендации 2-х членов партии.

Того же числа организовалась партия левых социалистов, революционеров-интернационалистов и максималистов. Прием в партию производится в таком же порядке. Заявления можно подавать в Комиссариат просвещения с 9 до 2-х часов на имя тов. Харитонова и в редакцию газеты «Призыв» с 8 до 12 часов на имя тов. Судакова».

23 и 27 апреля в Николаевске состоялись гарнизонные собрания. Поводом послужил арест 14 апреля бывшего командира горного полка, комиссара горной промышленности большевика И. Будрина. Он пользовался большим авторитетом среди партизан. Его полк внес решающий вклад в разгром провокационного японского выступления 12 марта 1920 года. Арест вызвал открытое возмущение партизан и стал предметом обсуждения на объединенном гарнизонном собрании, которое проходило 23 апреля в народном доме.

О причинах ареста Будрина докладывала начальник штаба партизанской Красной Армии максималистка Н. Лебедева: «В городе раскрыта организация, в которой, к сожалению, замешан и Будрин. Организация была обнаружена давно, и за ней следили. Сущность заговора та, что был организован отряд из разных лиц, в том числе и китайцев. На последнем заседании этой антисоветской организации китайцам было объявлено, что на днях им будет выдано оружие. В этой организации участвовал и китайский консул, ярый противник советской власти. Этот консул еще до нашего вступления в город выдал японцам орудия с канонерок, но тогда мы на это не обратили серьезного внимания. Будрин организовал свой отряд из тех китайцев, которые находились под влиянием китайского консула. Сейчас ведется следствие, и Будрин предстанет перед судом».

Выступает комиссар облисполкома И. Иваненко: «Давно зная Будрина как преданного советского работника и как военного руководителя, с которым мы вместе занимали золотосплавку во время выступления японцев, невозможно поверить,

чтобы он оказался антибольшевиком и антисоветчиком. Здесь что-то не так. А что касается организации Будриным подозрительного отряда из китайцев и предстоящего выступления Будрина против советской власти, то это скорее можно назвать борьбой за местную власть, но ни в коем случае не белогвардейским выступлением».

Г. Мизин: «Основываясь на своем личном аресте, который оказался необоснованным, нельзя поверить в правильность ареста И. Будрина. И я, и Будрин, мы старые борцы за Советы, а это кое-кому не нравится».

Председатель Сахалинского облисполкома большевик Ф. Железин: «Больно говорить об аресте товарища Будрина. Тяжелей всех достается исполкому и мне, его председателю. Исполком принял все меры к организации комиссариата юстиции. Исполком наблюдает за следствием. Исполком рассмотрел представленный ему следственный материал по делу Будрина и вынес постановление о временном устранении Будрина. Я понимаю, что среди партизан и трудящихся царит возбуждение, вызванное арестом. Но я призываю вас, товарищи, не допускайте осложнений, а тем более выступления с оружием».

После продолжительного обсуждения собрание приняло следующее решение:

«Ввиду незнания причин ареста тов. Будрина гарнизоном Николаевского округа и принимая во внимание мотивы самого ареста, объединенное собрание предлагает следственной комиссии ускорить следствие и, не задерживая, опубликовать в печати все собранные материалы, хотя бы частями, по мере их поступления. И чтобы суд над тов. Будриным проходил при открытых дверях».

27 апреля гарнизонное собрание продолжило свою работу. В повестке стоял вопрос о нарушении воинской дисциплины. С сообщением выступила Н. Лебедева. В числе нарушителей она назвала фамилию Г. Мизина. Председательствующий, а им был Б. Дылдин — председатель Николаевского окружного военно-революционного трибунала, предложил Мизину объяснить, почему он отказался выполнять приказ командующего.

Г. Мизин: «Я отказался ехать в подчинение к изменнику и провокатору Лапте, который выдал в Хабаровске всю подпольную организацию осенью прошлого года Калмыкову, почти все схваченные товарищи погибли. Наш командующий

знает об этом преступлении Лапты, но почему-то не разрешил члену Хабаровского военревштаба Бессонову забрать Лапту для суда в Нижне-Тамбовском...

Не понятно, товарищи, почему так возвышает наш командующий Лапту? Известный никому ранее хабаровский грузчик, в Елабуге вставший в партизанский строй рядовым, уже в Богородске получает под командование крупный лыжный отряд. При занятии Николаевска Лапта уже командует группой войск... теперь он послан командовать Де-кастринско-Мариинским фронтом, хотя никакого военного опыта у него нет...

И как же могу я, командир и коммунист, идти в подчинение к предателю и безграмотному в военном отношении человеку? Лапта ведь тоже считал себя анархистом. А я не могу действовать по указке анархистов. Этого не позволяет мне моя революционная совесть и не простят мне мои партийные товарищи. Товарищи! Я выполню любой приказ штаба. Приму любое назначение, кроме этого. Сделаю все, что в моих силах для революционного дела. Но служить под началом преступника не в моих правилах».

На собрании в защиту Мизина выступали: начальник артиллерии крепости Чныррах Т. Андреев, партизаны А.Иваненко, Н. Лаптев, Березовский и другие. Сидящие в зале все больше склонялись на сторону Мизина, и неизвестно, чем закончилось бы это гарнизонное собрание, если бы не эмоциональное выступление Биценко (по некоторым данным, бывший белогвардейский унтер-офицер, агент калмыковской разведки, полная фамилия Орлянковский-Биценко. — Авт.):

«Товарищи, братья! Перед вами выступают предатели пролетарской революции. Они задумали свергнуть наш революционный штаб, арестовать и кокнуть нашего любимого вождя и командующего Якова Ивановича Тряпицына и повесить на телеграфном столбе его жену, начальника штаба Нину Лебедеву. Я не вру, товарищи-партизаны. И я оказался вовлеченным в этот страшный заговор. Я участвовал в их секретных заседаниях на конспиративной квартире».

Биценко стал называть фамилии заговорщиков, которые тут же в зале арестовывались. Всего было арестовано больше 20 человек, в том числе Иваненко, Лаптев, Березовский, Писарев, Писенко, Мизин и др.

Тряпицын принял решение судить большевиков открытым судом. На первом же заседании суд вынес решение в отношении И. Будрина: «...ввиду больших за-

слуг И. Будрина по укреплению советской власти на мирном и военном поприще обвинение его в контрреволюционных замыслах отпадает само собой». Однако «в связи с высказанным им, Будриным, недоверием, как к лицам, состоящим во главе штаба, так и Тряпицыну... выслать И. Будрина и других коммунистов из пределов Сахалинской области на два года, предоставив им свободный выезд из Николаевска. Содержать их под арестом до открытия навигации по реке Амур».

Какой можно сделать вывод из проведенных гарнизонных собраний? Он прост: коммунисты готовили переворот с целью отстранить от власти Тряпицына, но не получили поддержки партизан. Причина в слабости позиции большевиков в партизанской среде. В 1936 году Д. Бузин (Бич) в справке центральному истпарту писал об этом так: «Но была ли возможность все это предотвратить? Эта возможность была при условии сплочения коммунистической партии в Николаевске и ее упорной борьбе. Но, к сожалению, коммунисты, в том числе и я, не проявили достаточных организационных способностей, чем ослабили силу своих рядов и организующую роль партии».

Последние дни «Николаевской коммуны»

8 мая 1920 года из Наркоминдела РСФСР в Николаевск-на-Амуре поступила телеграмма, в которой говорилось: «Согласно официальных японских кругов, напечатанных в английской прессе, японские войска, высадившиеся без всякого сопротивления в Александровске-на-Сахалине в количестве одного пехотного батальона с артиллерийской батареей, предназначены не для Сахалина, а для взятия Николаевска-на-Амуре, как только этот порт освободится ото льда. Имейте это в виду».

И без этой телеграммы нижеамурцы не сомневались, что с открытием навигации надо будет ждать японского вторжения. Рассматривались три варианта.

Первый: высадка японского десанта в бухте Де-Кастри, а затем на плавучих средствах заход в лиман Амура и блокада города. Второй: заход японской эскадры напрямую в устье Амура. Третий: поход японских кораблей из Хабаровска.

По всем этим вариантам отработывались способы защиты Николаевска-на-Амуре.

19 апреля начальнику гарнизона Де-Кастри Чашину было дано указание установить постоянное наблюдение за морем, сообщать ежедневно о замеченном: «... в случае прихода крупных сил японцев, сожгите все до единого помещения, если можно и маяк. Перекрасьте, если можно, на скалах русские или японские фарватерные знаки, снимите все маяки и вообще морские знаки».

20 апреля ушла телефонограмма в Благовещенск на имя П. Серышева: «Во что бы то ни стало нужно организовать оборону Амура и Хабаровского моста. Примите все меры, чтобы японцы не могли уплыть из Хабаровска на канонерках вниз по Амуру. Пришлите к нам по Амуру со вскрытием [реки] человека для того, чтобы можно было с ним лично согласовать действия. Это необходимо».

3 мая в Благовещенск уходит очередная просьба: «Главштаб. Смагину. Если можно, пришлите в Николаевск два орудия системы «Виккерс», у нас много снарядов, а у вас есть орудия, а снарядов нет. Все меры к заграждению входа в Амур приняли... Людей у нас много, но ощущаем недостаток оружия и патронов... Вышлите, если есть, специалистов: слесари, токари, литейщики и формовщики. У нас функционирует снарядный завод, но нет специалистов. Обязательно вышлите своего человека для согласования дальнейших действий».

Пытались нижеамурцы согласовывать свои действия по защите Николаевска от японцев и с другими территориями. Для этих целей в Якутск, Иркутск и Красноярск был откомандирован Степан Шери «...для сношений с советским правительством Сибири и переговоров с советскими организациями указанных городов. Тов. Шери является официальным представителем штаба Николаевского округа и уполномочен вести переговоры от имени штаба».

В связи с приближающимся вторжением японцев, 8 мая распоряжением по войскам Красной армии Николаевского округа и населению города Николаевска-на-Амуре была объявлена мобилизация всего мужского населения в возрасте от 18 до 35 лет включительно. Облисполкомом принимается решение о создании в Николаевске-на-Амуре трудовой армии «... по примеру трудовой армии в Советской России, созданной в тяжелое время». В области устанавливается всеобщая трудовая повинность. «Ввести по городу Николаевску и всему округу немедленную трудовую мобилизацию по отношению всех российских граждан обоего пола без различий национальностей». В состав бюро армии труда были избраны: Харитонов,

Фраерман, Вельский. В секретариат — Будрин, Гультиков, Жемайтис, Степанов-Сусанин, Воротников.

Для отражения японского вторжения в Николаевске стали проводиться Дни обороны. Газета *«Призыв»* писала: «15-16 мая в Николаевске были проведены Дни обороны. С 7 часов к зданию исполкома со всех концов города начали стекаться группы мужчин и женщин, и даже подростков, чтобы приложить свои усилия на великое дело борьбы пролетариата с буржуазией. Ожидание наступления японцев на Николаевск, который должен первым принять на себя удары японцев, только увеличивает силы всех и накладывает на работу отпечаток особой энергии и решительности».

Для того, чтобы затруднить проход японских судов в устье Амура, было решено забаррикадировать фарватер Амура. В короткий срок 20 барж были заполнены камнем и затоплены в лимане Амура. Был создан Богородский фронт, возглавил его бывший командир корейского отряда Сасов. В самом узком месте Амура у селения Тыр фарватер заминировали.

13 мая 1920 года Сахалинский облисполком принял решение ввиду осадного положения создать военно-революционный штаб, которому передать всю полноту власти в области. «Имея в виду, что не мирная органическая работа, а оборона страны, и только она, является важнейшей задачей момента, для решения таковой должен быть создан соответствующий орган власти. Окружной исполком всю полноту власти передает военно-революционному штабу, избранному из числа членов исполкома». Тайным голосованием его членами были избраны О. Ауссем, Ф. Железин, И. Перегудов, Я. Тряпицын и Н. Лебедева.

Во второй половине мая становилась все очевиднее невозможность противостоять японцам. Только на острове Сахалин и в Де-Кастринском заливе высадился японский десант в 20 тысяч солдат. 24 мая прибыл в Мариинск из-под Хабаровска японский отряд под командованием Тамака. Николаевск оказался в кольце. Военревштаб принимает решение начать эвакуацию вверх по Амгуни в район Кербинских приисков жителей Николаевска, прежде всего женщин и детей, раненых и больных.

Это был дальневосточный таманский поход: почти 15 тысяч эвакуированных жителей, среди которых было больше семи тысяч женщин и детей, огромные обозы

и трехтысячная армия, прикрывавшая отступавших, двигались по Амгуни, тайге, марям и болотам в Керби.

20 мая от Николаевска на Амгунь ушел первый пароход, а затем ежедневно отходили два-три парохода с баржами, нагруженными продовольствием. Пароходы, баржи, шаланды, лодки — весь наличный водный транспорт был брошен на эвакуацию. До конца мая по водному маршруту эвакуировано примерно четыре тысячи человек. Те, кто не попадали в список на эвакуацию водным транспортом, шли в Керби пешим порядком.

Еще в середине мая по распоряжению облисполкома, на случай эвакуации жителей города в поселок Керби, а это порядка 600 верст, готовилась трасса пешего перехода: ремонтировались отдельные участки дорог, частично наводились мосты, создавались питательные пункты по маршруту движения. Но, несмотря на проделанную работу, дорога в Керби для николаевцев стала «дорогой смерти». По этому маршруту прошло несколько тысяч мирных жителей и партизан. Вот как об этом переходе вспоминал командир партизанского отряда *Стрельцов-Курбатов*:

«Отряд отступающих под моим командованием был очень громоздкий, потому что с нами находилась санитарная часть, врачи и весь медицинский персонал, а также женщины, работающие в швейных мастерских.

Шли по тайге большей частью пешком, и только несколько было с нами коней, на которых вьюками везли продукты. Не все лошади проходили мари, а некоторые совершенно не могли пройти. Таких лошадей пристреливали и кониной питались. Люди тоже проваливались в марях и болотах».

Когда большая часть населения Николаевска покинула город, его стали готовить к уничтожению. Еще в середине мая судьба города решалась на заседании военно-революционного штаба. Одни предлагали эвакуировать население, но сохранить город, Тряпицын же настаивал его уничтожить: «... для иностранных государств будет очень показательным, если мы сожжем город и все население эвакуируем». Судьба старейшего города Дальнего Востока, бывшего одно время столицей этого края, была решена: город уничтожить.

Сожженный город

Конец мая 1920 года. Старейший город Дальнего Востока Николаевск-на-Амуре доживает последние дни.

29 мая 1920 года из Николаевска уходит телефонограмма:

«Иркутск — Янсону, копия: Москва — Ленину.»

Вашу телеграмму № 9562 получили и должны сказать, что это сообщение для нас совершенно не ново, мы два месяца назад говорили вам, что японцы готовятся к захвату всего Дальнего Востока и что война с ними неизбежна, а также, что вы своим буфером предали всю Красную Армию Дальнего Востока, которая была настолько сильна, что могла бы ликвидировать японские войска, оставшиеся в Сибири.

Сейчас японцы подходят к Николаевску с трех сторон: от Хабаровска, с моря, а также с Де-Кастри. Их силы, высадившиеся на Сахалине и в Де-Кастри, равняются 20тысячам. Мы поставлены в необходимость уничтожить все имеющиеся здесь запасы пороха — десятки тысяч пудов, десятки тысяч снарядов и другое ценное имущество. Скоро сождем радиостанцию и уничтожим за собой все. Население эвакуировано...

Не думайте, что японцы откажутся от захвата, если вы объявите демократическую республику. Будьте уверены, что они будут бить рабочих и крестьян так же, как и при советской власти... Но вы опять повторяете такое приказание — создавать земский буфер.

Помните, что это грубая ошибка и предательство, невольное, конечно, и мы не в силах будем выполнить приказание советского правительства—удержать Николаевск».

30 мая из Благовещенска в Николаевск поступила телефонограмма:

«Военная вне очереди. Командующему округом Тряпицыну.»

Член Амурского ревкома Б. Жданов сообщает подробную информацию о целях создания Дальневосточной Республики. «Приказом командующего НРА тов. Эйхе, действующего под Читой, на имя тов. Дмитрия Шилова, Лазо, Серышева и Тряпицына, командование всех фронтов подчиняется ему. Политика Центра с японцами не воевать, делая им уступки, уничтожить все фронты... рассчитывать на

какую-либо реальную силу с нашей стороны вы не должны, для этого нет никакой физической возможности, и в этом наша трагедия. Японцы, между прочим, во всех своих переговорах и выступлениях подчеркивают ужасы Николаевских событий в марте, указывая на уничтожение мирного японского населения... Вы должны выступить с официальным заявлением перед китайцами и японцами, а также трудящимися округа о признании правительства Дальреспублики».

Выполнять эти указания, как, кстати, и предыдущие, Тряпицын не стал. Самое простое объяснение его поведения — личностные черты характера и сложность обстановки в низовьях Амура. К примеру, в книге истпарта «Революция на Дальнем Востоке» эти обстоятельства учитывались следующим образом:

«Оказавшиеся у власти, товарищи сделали ряд тактических ошибок, ибо они были оторваны не только от общего потока революции, но даже и от местного ревштаба, находящегося около города Хабаровска. Эти товарищи за свои ошибки заплатились жизнью (были расстреляны в п. Керби). Но, вероятно, мало кто и не сделал бы тех или иных ошибок в той дьявольски трудной революционной обстановке, при полной оторванности и малой подготовке к государственной и дипломатической работе».

Почти все оставшиеся в живых участники борьбы за власть Советов в низовьях Амура писали в своих воспоминаниях, что Тряпицын до середины мая 1920 года и после — это два совершенно разных человека. Бывший заместитель председателя Сахалинского облисполкома О. Ауссем свидетельствует:

«Как только началась эвакуация, все резко изменилось. Изменился Тряпицын. Изменилась Нина. Почему? Есть только один ответ: психологическое поражение. Было два Тряпицына: один в период нашего триумфа... прекрасный организатор, талантливый военачальник, страстный революционный строитель, боевой товарищ в полном смысле этого слова. Этот Тряпицын прекратил свое существование, когда стало ясно, что войска врага обладают значительным превосходством и невозможно защитить Николаевск от японцев.

...Так многие поступали в подобных случаях. Он стал озлобляться и подозревать каждого, к кому проявляли симпатии массы. Он видел заговор и предательство во всем и вместе с Ниной кричал при каждой возможности: «Тер-рор! Тер-рор

без жалости ко всем врагам советской власти! Мы никогда не сможем побить японцев, если будут враги среди нас».

В архивах сохранилось очень много документов типа:

«Мандат Пахомову. Срочно предписывается вам составить список лиц, подлежащих уничтожению. Революционная совесть ваша».

Или:

«Мандат. Предъявитель сего Вольный командирится штабом Красной Армии Николаевского округа в район Амгуни для производства расследования, обысков и арестов контрреволюционных элементов. С правом производства расстрелов.

Все сельские организации должны оказывать ему всемерное содействие и исполнять все его распоряжения. Тряпицын. Лебедева».

Слова «революционная совесть ваша», по крайней мере, предполагали, что правом лишать жизни человека наделяется психически здоровый, порядочный во всех отношениях человек, а если нет? Я уже говорил ранее, что в партизанской армии Тряпицына было немало людей, которые при царской власти прошли школу уголовной каторги Сахалина. Многие из них затем занимали командные должности в партизанской армии, были в близком окружении Тряпицына. Можно себе представить «революционную совесть» этих людей. Не случайно очень много невинных жертв среди мирного населения Николаевска на совести именно этих людей. Обратимся вновь к О. Ауссему:

«В это время Оцевилли-Павлуцкий получил поручение прекратить еженощное бегство буржуазии в нейтральный китайский поселок. Вот при этом-то «прекращении» и произошли первые расстрелы без суда. Произошли в самые последние дни нашего пребывания в Николаевске. Это последнее обстоятельство я особенно подчеркиваю. Эти расстрелы без суда, производимые кучкой бандитов, сгруппировавшихся около Тряпицына и Нины, имели место в течение нескольких ночей перед оставлением города, а отнюдь не были характерны для всего периода Николаевской коммуны, как это твердили японские и белогвардейские источники».

Есть ли факты, когда бы по личному распоряжению Тряпицына уничтожались люди? Да, есть. Привожу документ:

«24 мая 1920 года. Командиру 1-го полка.

Военно-революционный штаб предписывает вам привести в исполнение смертный приговор над арестованными японцами, находящимися в лазарете, а

также над осужденными лицами, находящимися в тюрьме». Распоряжение было выполнено. Партизаны-коммунисты Мизин, Будрин, его сын Борис, Ковалев, Березовский, Кононов, Корякин, Иваненко были расстреляны.

Анархист М. Володин в своей статье «Трагедия Николаевска-на-Амуре», опубликованной в журнале «Анархистский вестник» (Берлин, 1923 год), так объяснял расстрел коммунистов: «Имея соответствующие директивы от уполномоченного ЦК РКП (б) В. Виленского, они (коммунисты) начали свою разлагающую работу в направлении «подчинения буферу» среди партизан и населения края, попытались подчинить вооруженные массы своему партийному центру. Вот почему коммунисты были расстреляны».

В последний день перед уничтожением города были убиты пленные японцы — 131 человек.

В докладе МИД Японии о последних днях Николаевска говорилось: «Большевики в Николаевске готовились к приходу японской экспедиции. Когда лед начал таять, они заблокировали вход в гавань баржами, нагруженными камнем. Все это для того, чтобы задержать прибытие основных сил экспедиции в Николаевск.

Отряд Тамака достиг Мариинска 24 мая вместе с морскими экспедиционными силами. Это ускорило вторую бойню. Кровопролитие началось в полночь на 24 мая и закончилось 27 мая. Примерно сотни две японских жителей — мужчин, женщин и детей, которые уцелели в первой бойне, — были убиты».

Уничтожение Николаевска-на-Амуре началось 30 мая 1920 года. Каменные здания взрывались, деревянные строения поджигались. Все военно-инженерные сооружения крепости Чныррах взорвали. Сильный ветер превратил город в огромный костер. Почти два дня огонь пожирал город, оставив на месте Николаевска сплошное пепелище. Я. Тряпицын в информации сельским ревкомам сообщал об этом так:

«Все население снизу из деревень и из города эвакуировано, и все деревни и рыбалки сожжены. Вывезено все продовольствие, в городе не осталось ни одного человека... Город весь сожжен, реальное училище, мастерская, электрическая станция и другие крупные здания взорваны, японцам остался один пепел. Не осталось от Николаевска камня на камне».

Владивостокский журналист В. Эч (В. Чиликин) прибыл в Николаевск 13 июля 1920 года. В отчете об увиденном он писал:

«Повсюду, куда ни бросишь взгляд, были только руины домов, здесь и там виднелись трубы зданий — высокая труба электростанции, наполовину затопленные суда... Из всех зданий города сохранились лишь торговое училище и тюрьма. Жителей почти не видно. Никому из нас никогда бы не пришла в голову мысль о том, что город можно так разрушить».

Что можно сказать об этом варварском акте? Командующий партизанской Красной Армией Я. Тряпицын на сто процентов выполнил совместное обращение председателя СНК В. И. Ленина и председателя ВЦИКа Я.М. Свердлова от 2 июня 1918 года, в котором предлагалось всем местным Советам в случае нашествия неприятеля поголовно истреблять тех, кто оказывает содействие врагу. Обращение требовало от Советов при подходе врага вывезти все ценное, а все, что не будет вывезено, уничтожить. У нижнеамурцев была копия этого обращения. Тряпицын в низовьях Амура выполнил требование Советского правительства — Николаевск сжег. Он во главе своего штаба и роты сопровождения покинул город 1 июня, а через два дня ушел последний партизанский отряд под командованием Стрельцова-Курбатова. Обе эти группы в поселок Керби шли через тайгу, водный путь уже заблокировали японцы.

Сказать, что это был тяжелый переход, — ничего не сказать. Мальчишкой я хорошо запомнил рассказ живой свидетельницы этого перехода нашей соседки по коммунальной квартире в Николаевске-на-Амуре Марии Кукушкиной. Сама она принимала участие в походе партизан на Николаевск и его освобождении, а затем в отряде Тряпицына блуждала по тайге в поисках дороги на Керби. Тряпицын и Лебедева были для нее героями-партизанами.

Тайга в низовьях Амура отнюдь не предназначена для транспортного движения, тем более в конном порядке. Непроходимые буреломы, болота в низинах сопок, сотни быстрых рек и речушек, несущих свои воды к берегам Охотского моря, и с утра до вечера тучи комаров, от которых просто не было спасения. Все это надо было преодолеть небольшому отряду Тряпицына на пути в Керби.

Через несколько дней закончились продукты. Почему это произошло? Дело в том, что он сбился с маршрута движения, заблудился и не вышел вовремя на при-

готовленный заранее продовольственный склад на резиденции озера Орель-Чля. Вышедшая раньше его из Николаевска группа партизан, в составе которой были О. Ауссем, Б. Дылдин и Беляев, не дождалась его в установленное время на озере и посчитали, что тот уже прошел этот питательный пункт. Тогда они забрали сколько могли продовольствия, а остальное уничтожили. Когда Тряпицын, после блуждания по тайге, все же вышел на озеро Орель-Чля, продовольствия там не было. Голодные и раздетые, они отправились дальше на Амгунь. Когда 16 июня Тряпицын со своим отрядом прибыл в Керби, он отдал приказ об аресте Дылдина, Беляева и Ауссема для расследования обстоятельств уничтожения продовольственного склада на озере Орель-Чля.

Допрос арестованных вел председатель ВЧК Керби П.Виноградов. Вот что он писал в воспоминаниях:

«Выяснилось, что Ауссем, Дылдин и Беляев не поняли приказ Тряпицына, кроме того, встретили товарища, который им сказал, что отряд Тряпицына прошел мимо и им надо торопиться с отходом, что они и сделали. Пока разбирался этот вопрос, произошло восстание андреевцев, которых всех арестовали и судили».

Пока Тряпицын со своей группой плутал по тайге, часть эвакуированного населения города пришла в Керби, другая все еще совершала свой беспримерный в истории переход. Ко всем бедам, которые испытали эти люди, добавился бандитизм. С одной стороны, это было делом рук уголовников, с другой — начала разлагаться и партизанская армия.

Я уже давал характеристику социального состава партизанской армии. Напомню. В ее составе было достаточно много бывших каторжан с Сахалинской каторги. Известно, что большинство каторжан были уголовниками, их называли «сахалы». После отбытия каторги на Сахалине они оседали по селам Нижнего Амура. Поистине железной дисциплиной эту вольницу удавалось сдерживать во время побед, когда же пришлось отступить, естественно, контроль ослаб, а где-то вообще пропал.

Еще 19 мая 1920 года Военно-революционный штаб направил из Николаевска в район Амгуни своего представителя Вольского «для проведения расследования, обысков и арестов контрреволюционных элементов с правом производства расстрелов». А 19 июня штаб издал распоряжение для населения, живущего по

Амуру и Амгуни, в котором говорилось: «Все лица, чем-либо оказывающие содействие японцам и белогвардейцам, будут расстреливаться на месте как явные контрреволюционеры». Поскольку поступали сведения о самочинных действиях некоторых партизан, в том же распоряжении штаб требовал от партизан соблюдения самой строгой революционной дисциплины. Всех, не исполнявших боевые задачи, распоряжения, а также самовольно оставлявших позиции и уходящих изцепи во время боя и вносящих раздор, дезорганизацию в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии распространением нелепых и непроверенных слухов, расстреливать на месте как предателей общего дела рабоче-крестьянской социальной революции, ибо в настоящее время полумер не может быть».

При чтении этого приказа, естественно, может возникнуть вопрос — о какой контрреволюции идет речь? Может, подменяются понятия «бандитизм» и «контрреволюция»? Частично ответ на этот вопрос дает телеграмма командира одного из небольших партизанских отрядов Нехочина, отправленная в адрес Тряпицына 18 июня 1920 года:

«В деревнях Солонцы, Красный Яр, Богородское, Тахта, Мариинск организовалась белая крестьянская гвардия из бежавших мобилизованных крестьян. Они в количестве 65 человек устроили засаду против нас в 2-х верстах выше Солонцов... Работают они, как видно, в контакте с японцами. Их главная цель и задачи — выловить командный состав и советских руководителей, говорят, что край стал международным».

Нельзя отрицать и тот факт, что из числа партизан, а иногда и людей, приближенных к командующему партизанской Красной Армии, вышло немало бандитов. Настоящий ужас наводил на беженцев Биценко, пользовавшийся доверием Тряпицына. Доверие он заслужил после раскрытия заговора большевиков против Тряпицына. В знак благодарности был назначен помощником командира Софийской группы партизан, которой командовал Д.С. Бuzин (Бич). К выполнению обязанностей он не приступил, а, окружив себя уголовниками и прикрываясь именем Тряпицына, бандитствовал на реке Амгунь, чинил массовые расстрелы и насилия. В исторической литературе Биценко и Тряпицын подаются как соратники по оружию и близкие друзья. Как было на самом деле? Обратимся к архивным документам и воспоминаниям участников тех событий.

П. Я. Виноградов был свидетелем смерти Биценко.

«Были слухи, что в среднем течении Амгуни разъезжает на катере некто Биценко и терроризирует население и приезжих эвакуированных граждан. В первых числах июня в Керби прибыл из Николаевска председатель ревтрибунала Борис Дылдин. Через несколько дней в Керби на своем катере прибыл Биценко с отрядом и остановился в бывшей резиденции, ставшей оружейной мастерской. Дылдин и Виноградов решили его задержать. Когда Биценко вышел из мастерской, его встретил Дылдин и пригласил пройти по берегу. Виноградов наготове следовал за ними. В разговорах они довольно-таки далеко ушли от катера. Биценко отделился от Дылдина и выстрелил в него, но промахнулся. Дылдин выстрелил в ответ, Биценко упал, но успел еще раз выстрелить в Дылдина, но снова промахнулся. Дылдин добил лежачего Биценко, который остался лежать мертвым на высоком берегу Амгуни... К убитому подошли наши товарищи и обыскали его. Под подкладкой кожаной куртки они обнаружили зашитые колчаковские офицерские погоны. Террор Биценко темным пятном ложился на партизан... Тряпицын, узнав случай с Биценко, вызвал меня к себе, я доложил ему, как все было. Он наши действия одобрил, а относительно Биценко сказал: «Собаке — собачья смерть»».

Газета *«Красный клич»* 21 июня писала об этом бандите следующее:

«Массовым расстрелом целого ряда семейств до грудных младенцев включительно, без суда и следствия, он провоцировал власть, сея к ней понятное недоверие и порицание».

Цель Биценко газета сформулировала весьма точно: подорвать авторитет советской власти, разложить фронт и партизанскую массу, вызвать междоусобицу и предать всех врагам, перейдя на их сторону, что, по-видимому, и сделал бы Биценко, заранее приготовив себе офицерские погоны, найденные при нем.

Чрезвычайная следственная комиссия Военно-революционного штаба расследовала дело Биценко. Из показаний свидетелей выяснилось, что вместе с ним действовали партизаны Буря, Лобастов и Журбин. Биценко рассчитывал уничтожить членов следственной комиссии, Тряпицына и многих других.

Не выдерживают никакой критики утверждения о том, что июнь-июль 1920 года был периодом полнейшего беспредела в низовьях Амура, что власть полностью самоустранилась от наведения порядка. Это неверно. Правильнее будет ска-

зять, что Военно-революционный штаб во главе с Тряпицыным не мог установить того, что ему ставится в упрек, — диктатуры насилия («красный террор») в интересах большинства населения. 21 июня Я. Тряпицын подписывает следующее распоряжение:

«Военно-революционный штаб Амгуно-Кербинского района, в виду несоответствия таковой формы организации задачам сельского исполкома, упраздняется, и населению предлагается провести выборы нового совета, согласно общих принципов организации советской власти».

С опозданием, но был создан Военно-полевой прифронтовой суд. 29 июня на этот счет вышло специальное распоряжение:

«Рассмотрению суда подлежат дела политического характера, как то: по обвинению в принадлежности к белой гвардии, провокации, распространении ложных слухов, также за неисполнение распоряжений командного состава и за дезертирство».

Как я уже говорил, в составе партизанской армии числились китайцы, корейцы, местное коренное население. К примеру, корейцы были объединены в корейский добровольческий отряд. На межнациональной основе нередко возникали конфликты. Для предотвращения розни Я. Тряпицын издает специальное распоряжение:

«Некоторые из партизан нашей армии, которая является армией рабочих и крестьян и армией интернациональности, допускают возмутительные поступки в отношении товарищей корейцев на почве национальности.

Эти партизаны позволяют себе оскорблять товарищей корейцев, грубо ругать их, притеснять, отбирать у них продукты и вещи, а некоторые из партизан (фамилии их пока не опубликовываются до окончания расследования) заявляли даже, что «если бы не эти корейские рожи, которые пошли в отряды, то и нам не пришлось бы страдать здесь в тайге».

Считая подобные поступки не только хулиганскими и глупыми, но прямотаки позорными для Красной Армии, обращаю внимание всех партизан на эти гнусные выходки и предлагаю всем товарищам, которые являются искренними защитниками рабоче-крестьянской власти и защитниками интернационала, бороться

с этим злом своими силами и принимать самые решительные меры в отношении виновных, арестовывая их и передавая суду...

Только лица, являющиеся скрытыми врагами советской власти и старающиеся внести разлад в ряды нашей партизанской армии, позволяют себе оскорблять партизан корейцев, направлять одних партизан на других.

Обращаясь к товарищам корейцам от имени всей Красной Армии, приветствуем их как своих товарищей и братьев и протестуем против поступков отдельных русских партизан, позволяющих себе оскорблять партизан корейцев вопреки нашей идее братства всех народов, братства трудящихся всех стран.

Если кто-либо из партизан позволит себе впредь оскорблять корейцев или чем-нибудь притеснять их, то таковой будет считаться провокатором, противником рабоче-крестьянской власти, врагом идеи интернационала, а потом будет арестовываться и предаваться военно-полевому суду».

Я процитировал этот документ почти полностью. Согласитесь, «бандитская шайка Тряпицына», как ее до сих пор еще продолжают называть, подобное воззвание вряд ли бы приняла.

Командиры партизанских отрядов Лавров-Тигров, Стрельцов-Курбатов, Негеевич-Случайный и другие предупреждали Тряпицына, что в армии началось разложение. Они советовали ему поскорее поехать в Благовещенск для объяснения положения дел и лучшей организации дела эвакуации николаевских беженцев.

4 июля 1920 года Я. Тряпицын с экспедиционным отрядом собирался выехать в Благовещенск, «чтобы восстановить связь с центральной советской властью и договориться в отношении получения продовольствия для эвакуированных и дальнейшей их эвакуации в Благовещенск». Но поездка не состоялась, так как утром 4 июля 1920 года Я. Тряпицын, Н. Лебедева и их ближайшее окружение были арестованы.

К середине июня 1920 года подавляющая часть беженцев из Николаевска-на-Амуре дошла до промежуточного этапа эвакуации — Кербинских золотых приисков (ныне район имени Полины Осипенко). В поселке Керби, рассчитанном на 1,5

тысячи жителей, остановилось 5452 беженца, среди них 2351 ребенок. На маленьком прииске Николаевском находилось 3216 человек, из них 1355 детей.

В основном эвакуированное население размещалось в палатках, на баржах, где оно могло жить лишь до наступления холодов. Запас продовольствия был крайне ограничен. Муки и крупы могло хватить лишь до половины сентября. Летняя путина была хорошая, но заготовить рыбу впрок не удалось — не было соли. Все понимали, что единственным спасением беженцев от голода является дальнейшая эвакуация.

Существовало два варианта дальнейшей эвакуации нижеамурцев. Один — водный по Амгуни и Амуру до Хабаровска, другой — таежной дорогой из Керби до Экимчана, расположенного в верховьях реки Селемджи (373 версты), а дальше по реке паромом или береговой тропой до склада Стойбы (112 верст), а оттуда паромом до Благовещенска. Если учесть, что первый путь, вполне удобный и легкий, был закрыт японцами, то оставался только второй.

Еще в Николаевске Тряпицын согласовывал с Благовещенском маршрут движения беженцев. Председатель Главного оперативного штаба:

«Советуем вам начать эвакуацию ценностей, как то: орудий, снарядов, патронов, автомобилей, бензина, а самое главное — радио, взяв все принадлежности с собой, чтобы иметь возможность установить на другом месте по мере надобности. Эвакуируйте воинские силы, обратите внимание также на телеграфную и телефонную проволоку, изоляторы, крючья, которые очень нужны. Эвакуируйтесь вверх по Амгуни в сторону Керби — Экимчан — Стойба. Мы в свою очередь уже работаем вам навстречу».

Для контактов с властями Амурской области в Благовещенск был командирован представитель штаба партизанской Красной армии Николаевского округа НегеевичСлучайный. Следует отметить, что в Благовещенске отношение к беженцам из Николаевска было неоднозначное. С одной стороны, они делились с нижеамурцами своими скудными запасами, с другой — боялись прихода Тряпицына в Благовещенск. В конце мая Негеевич-Случайный информировал Тряпицына о трудностях подготовки питательных пунктов по трассе эвакуации и далее сообщает: ...добавляю, что у Благовещенска о нас заботы почти нет. Мне немало стоило трудов вывезти то, о чем я уже вам сообщал. (Он доставил в Стойбу 27 тысяч пу-

дов, в т. ч. овса — 23 тысячи пудов, рису — 105 пудов, пшеница — 800 пудов, соли — 300 пудов, масла — 300 пудов, керосину — 200 пудов, мыла — 50 пудов, ботинок — 1000 пар, теплого белья — 3000 штук. — Авт.) Был тщательный контроль и во многом отказ. Часто слышалось, что, мол, приходится переносить и нам немало от японцев, благодаря вам.

Негативное отношение Благовещенска к нижеамурцам было не эпизодом, а линией поведения. 25 июня Я. Тряпицын отправляет телефонограмму:

«Благовещенск. Военревштаб. Копии: комитет коммунистов-большевиков, комитет максималистов.

Военревштаб Николаевского округа прибыл в Керби и, ознакомившись с положением дела эвакуации, должен был констатировать, что вами опять ничего не предпринято и ничего не сделано для организации эвакуации и для приема эвакуированных. Не желая делать вам упрека и не предполагая, что это делается вами умышленно, мы, тем не менее, не можем не выразить своего удивления по поводу того, что Благовещенский Военно-революционный штаб, являющийся органом власти трудящихся, совершенно не идет навстречу нам — армии рабочих и крестьян».

Во многом дальнейшая перспектива спасения беженцев зависела от того, удастся ли японцам подняться по реке Амгунь к Керби. Для защиты устья Амгуни был создан Амгуно-Мариинский фронт под командованием Сасова. Начальником штаба фронта был Коцуба-Борзов. В состав этого фронта входили несколько партизанских подразделений. На хуторе Беда, расположенном в устье реки Амгунь, стоял отряд Семена Бачеева, насчитывающий 80 человек. В основном это были партизаны из бывшего горно-приискового полка, сформированного расстрелянным Тряпицыным И. Будриным. Немного выше по реке, в селе Князево, квартировалась рота Александра Леодорского численностью в 150 человек. Первой ротой бывших артиллеристов из крепости Чныррах, дислоцированной в селе Серго-Михайловском, командовал Никита Павлов. Второй крепостной ротой — Александр Никифоров, и располагалась она рядом, на заимке Соколовской. Общая численность партизан в двух ротах — порядка 350 человек. Общее руководство ими осуществлял начальник Серго-Михайловского участка Амгуно-Мариинского фронта Иван Тихонович Андреев.

На этой личности необходимо остановиться подробнее, учитывая ту роль, которую он сыграл в гражданской войне в низовьях Амура.

Иван Тихонович Андреев родился в 1884 году в селе Дубки Петроградской губернии в крестьянской семье. Его дед и бабушка — обрусевшие финны. В юности плавал в торговом флоте на Балтийском море матросом, кочегаром, рулевым. Свободно говорил на нескольких иностранных языках, в том числе на финском и датском. На военной службе пробыл 15 лет. В начале Первой мировой войны окончил Владивостокское офицерское училище, получив звание зауряд-прапорщика, и был отправлен на фронт. За храбрость награжден двумя Георгиевскими крестами. После Февральской революции вернулся в Николаевск-на-Амуре к своей многочисленной семье и стал рыбачить в организованной им рыбацкой артели «Сивуч». При оккупации в 1918 году Нижнего Амура японцами Андреев продолжал заниматься рыбалкой, пока не был мобилизован в Белую армию как специалист-артиллерист. Когда отряды Тряпицына блокировали в феврале 1920 года Николаевск, он перешел на их сторону. Помог партизанам восстановить разукомплектованные в 1918 году крепостные орудия.

Отступая из Николаевска-на-Амуре, Андреев командовал артиллерией, потом стал начальником Серго-Михайловского участка Амгуно-Мариинского фронта. В отряде Андреева были в основном жители Николаевска-на-Амуре. Можно представить настроения этих людей, которых Тряпицын лишил крова, имущества, а членов их семей — беженцев — обрек на перспективу голодной смерти.

Был ли Андреев японским агентом, возглавив заговор против Тряпицына? Несмотря на то, что есть косвенные подтверждения лояльности японцев к этому человеку, в частности, в 1921-1922 годах он жил на северном Сахалине, на оккупированной японцами территории, у меня нет оснований называть его японским агентом. В 1922 году он покинул Россию. Умер в 1932 году в эмиграции в Шанхае.

Что же явилось причиной заговора?

Если ответить на этот вопрос коротко, то нижнеамурцы не вынесли страшного большевистского эксперимента, когда для достижения конечной цели можно использовать самые отвратительные средства. Речь, прежде всего, идет об уничтожении города и о страданиях его жителей во время эвакуации.

Трудности перехода по тайге, отсутствие продуктов питания, грабеж и бандализм по трассе эвакуации и самые разнообразные слухи на эти и другие темы. Общим было то, что главным виновником трагедии считали Тряпицына.

Упорно распространялся слух, что Тряпицын может бросить беженцев на произвол судьбы, а сам в сопровождении экспедиционного отряда выехать в Благовещенск, куда он уже отправил конфискованное в Николаевске золото. (На самом деле небольшой отряд партизан под командованием И. Лаврова-Тигрова действительно ушел в сторону Хабаровска. Он должен был доставить золото в Благовещенск для закупки продовольствия для беженцев. Дальнейшая судьба этого золота не известна. Лавров-Тигров в воспоминаниях утверждал, что он сдал золото Д. Бойко-Павлову.) Шли разговоры, что всех больных и престарелых беженцев будут уничтожать, чтобы не усложнять эвакуацию других, для этого роются ямы (рылся котлован для строительства фундамента под радиостанцию). Говорили, что Н. Лебедева — жидовка, что она купается в молоке, а потом его дают детям, что детский приют, эвакуированный из Николаевска, готовятся отравить (телеграфист ошибся в одной букве: телеграмму «отправить детский приют» принял как «отравить детский приют»). Этот список слухов и домыслов можно было бы продолжить.

Толчком для выступления партизан-артиллеристов под руководством Андреева против Тряпицына послужило следующее.

По стратегическим соображениям, Тряпицын отдал распоряжение командиру первого полка Б. Амурову-Казадаеву выбить японцев из стойбища Усть-Амгунское и создать там оборонительный пост партизан. Проведение этой операции было поручено командиру партизанской роты Леодорскому. Он отказался выполнять эту боевую задачу из-за недостатка сил.

27 июня Тряпицын прибыл на Удинский склад и провел там заседание военного совета, на котором было решено провести чистку командного состава Амгуно-Мариинсконо фронта. Выполнять это решение было поручено командующему фронтом Сасову. На практике это означало, что Леодорский и Андреев, в подчинении которого он находился, попадали под действие приказа по партизанской Красной армии за № 101 от 19 июня 1920 года: «Всех, не исполняющих боевые задачи... расстреливать на месте... ибо в настоящее время полумер не может быть». На выполнение этого задания на фронт из Удинска выехал Амуров-Казадаев.

29 июня Тряпицын издал распоряжение, согласно которому бывший начальник артиллерии тов. Андреев назначается заведующим артиллерийским складом. Это означало, что Андреев должен прибыть в Керби, где располагались эти склады. Что было равносильно смерти. Он твердо решил не подчиняться данному распоряжению. Когда Амуров-Казадаев прибыл в распоряжение артиллеристов, то Андреев разоружил прибывших.

Вечером того же дня Андреев и Леодорский, погрузив на пароходы своих сторонников, прежде всего бывших жителей Николаевска, пошли вверх по Амгуни в Удинский склад, где арестовали без выстрелов командующего фронтом Сасова-Беспощадного. Был создан Временный военно-революционный походный штаб в составе М. Аношкина, А. Леодорского, Е. Полетаева, С. Бачеева, В. Пак, Н. Павлова, А. Никифорова и Н. Николаева. Председателем этого штаба и командующим восставшими стал Андреев.

Восставшие стали готовиться к походу на Керби.

Арест Тряпицына

4 июля 1920 года на рассвете мятежные партизаны под руководством Андреева высадились на юго-восточной окраине села Керби.

Тряпицын держал свой штаб на пароходе «Амгунец». Верный ему экспедиционный отряд под командованием И. Видьманова жил на втором пароходе — «Муром». Рядом на берегу, в пустующем складе, размещалась еще одна группа партизан. В общей сложности на стороне Я. Тряпицына было не менее 600 хорошо вооруженных партизан.

Как проходил арест Тряпицына и разоружение кербинского гарнизона? Катер «Амгунец» стоял возле берега, но сходни убраны на судно. На реке тихо. С воды еще не поднялся белый туман. Все спят.

К «Амгунцу» подходит лодка, в которой находится группа партизан, в том числе Александр Леодорский, Василий Салазкин, Петр Ковалев, Василий Пак, Яков Есипов и другие. Дежурный, узнав Леодорского, разрешил вахтенному принять конец. Пока Леодорский разговаривал с дежурным, на борт поднялась еще одна группа партизан, которая без выстрелов разоружила охрану командующего.

К каюте, где он спал, направился А.Н. Леодорский. Почему арест Тряпицына был поручен ему?

Александр Николаевич Леодорский, из жителей Нижнего Амура, д. Суханово. В 1919 году под фамилией Сидоров работал в горной милиции Кербинских приисков. В селе Циммермановка добровольно вступил в партизанский отряд Тряпицына. Представился как идейный анархист и вскоре получил в командование роту из числа перешедших в Мариинске на сторону партизан белых солдат полковника Медведева. Всегда пользовался доверием Тряпицына.

Описание ареста Тряпицына есть во многих воспоминаниях, и достаточно подробное. Расхождения только в незначительных деталях.

«Леодорский стучится в каюту Тряпицына.

— Кто там? Что нужно? — послышался заспанный голос Тряпицына.

— Откройте, это я, Леодорский. Прибыл по вашему приказанию и привез срочный пакет от Сасова.

— Леодорский? Разве вас не арестовали? Что там у вас случилось? Разве нельзя подождать до утра?

— Японцы предприняли неожиданную вылазку и появились перед нашими заставами. Подробности в донесении. А мне приказано доложить обо всем вам лично.

Дверь каюты открылась, и на пороге появился Тряпицын. Не отвечая на приветствие Леодорского, он протянул руку за пакетом.

— Давайте пакет.

Немного отступив назад, Леодорский поднял револьвер и навел его на Тряпицына.

— Руки вверх! Вы арестованы.

Пак и Левицкий подскочили и схватили Тряпицына. Ковалев шагнул к каюте, но Тряпицын крикнул ему.

— Куда? Там раздетая женщина! Пусть она оденется и выйдет, тогда можно зайти!

Но Лебедева уже стояла на пороге, накинув на плечи халат.

— Что здесь происходит? Почему тревога?

— Вы арестованы. Выйдите в коридор, — приказал ей Леодорский.

— Кто поднял бунт? Почему оголен фронт?

— Фронт держат красные бойцы, верные приказам Москвы. Вы арестованы по постановлению гарнизонного собрания всего личного состава Амгуно-Тырского фронта,— ответил Леодорский.

Тряпицына и Лебедеву увели и поместили в трюм.

Без выстрелов восставшие разоружили Кербинский гарнизон».

С парохода «Муром» заметили приближающихся к берегу вооруженных людей. По сигналу тревоги бойцы экспедиционного отряда выскочили на берег и залегли в цепь. Командира отряда И. Видьманова на пароходе не было. Его заместитель И. Ольшанский приказал бойцам изготавиться к бою, но когда он увидел, что это партизаны, которых он знал лично, команды к бою не последовало.

Партизан Михаил Казачков вспоминал об этом так:

«В то утро дежурным по роте был мой старший брат Алексей. Заметив, что какие-то военные люди приближаются к «Мурому» с винтовками наизготовку, он поднял тревогу. К своему удивлению, среди наступавших он увидел и узнал своих знакомых и младшего брата Ивана. Он крикнул ему, чтобы тот подошел поближе. Иван подошел и сказал Алексею, что Тряпицын и его штаб уже арестованы и их будут судить партизаны. Он посоветовал Алексею не оказывать сопротивление и сложить оружие. Иван заверил брата, что как только во всем разберутся, оружие будет возвращено.

Эта рота сама разоружилась. Примерно так же разоружался весь гарнизон Керби.

Все арестованные, а это примерно 500 человек, были заперты в трюмах железных барж.

Почему верные Тряпицыну части без боя сдали своего командующего восставшим? Причин было много, но ближе всех к истине был Д. Бузин-Бич, который писал в своих воспоминаниях: «Тряпицын стал жертвой своих ошибок. Если бы не был сожжен Николаевск, не было бы эвакуировано население — все было бы иначе».

Дорогой ценой заставил Тряпицын рассчитывать николаевцев за верность советской власти.

6 июля 1920 года в Керби состоялось общее собрание восставших. С докладом по текущему моменту выступил председатель Временного военно-революционного штаба Андреев. В постановлении собрания говорилось:

«Гарнизонное собрание, заслушав воззвание военно-революционного штаба и доклад по этому вопросу гг. Андреева, Аношкина и Нечаева, разделяет их взгляд и одобряет. Со своей стороны, просит военно-революционный штаб вести начатое им дело смело, надеясь на нашу поддержку, и совместно с Советской Россией стремиться к осуществлению идеалов рабоче-крестьянской власти Советов».

В отношении арестованных было принято решение судить их гласным народным судом, для чего немедленно провести выборы от всего населения поселка Керби.

7 июля в газете «Красный клич» было опубликовано распоряжение Временного военревштаба:

«Общим собранием гарнизона 6 июля сего года ПОСТАНОВЛЕНО: избранный состав Народного суда для рассмотрения виновности Тряпицына и его приспешников дополнить представителями от всех граждан, а именно — по одному делегату от 25 человек, как от товарищей партизан, так и от всего прочего гражданского населения.

Ввиду сего, военревштаб предлагает всем частям войск, организациям и союзам приступить к немедленным выборам своих представителей в состав Народного суда, исключительно для рассмотрения дела Тряпицына и его приспешников.

Избранные представители, снабженные мандатами, должны явиться завтра, 8 июля, к 8 часам утра в помещение следственной комиссии».

Так появился «суд 103-х», названный так по числу членов суда.

В указанном постановлении гарнизонного собрания о суде над Тряпицыным было сказано и о том, чтобы, во избежание побега или насильственного его освобождения, заковать в кандалы главного обвиняемого. Судовой механик с катера «Аида» А. Осипов вызвался изготовить их, а партизан кузнец И. Басков — надеть их на Тряпицына.

Сохранились материалы «суда 103-х». Предварительный допрос Тряпицына вел председатель следственной комиссии Давыдов, члены В. Клячин и С. Слепак.

Приведу выписки из материалов допроса:

«—Как осуществлялось судопроизводство?

—Судил трибунал. А как действовала Следственная комиссия, и что она вообще делала, меня это не касалось. Я санкционировал приговоры.

— Кто предписывал аресты и чем они вызывались?

— Следственная комиссия сама производила аресты, вела дознание. А кто арестовывал, я не знаю. Контрреволюцию нужно уничтожать. Правда, мне было известно, что иногда арестовывались некоторые люди лишь по подозрению. Но я не вмешивался в дела других. Я давал общие указания, а как это осуществлялось в деталях, меня не касалось.

— За что вами был арестован Будрин?

— Будрин был арестован за организацию китайского отряда с неизвестными целями. Позднее выяснилось, что этот отряд был создан для свержения существующей власти.

— Вашей власти? Тряпицынской или советской власти? (Обвиняемый не отвечает.)

— За что были арестованы большевики Мизин, Бакланов, Ковалев и Березовский?

— Они были взяты по заявлению Биценко на гарнизонном собрании за то, что готовили заговор против существующей власти.

— Как, и они тоже заговорщики?

— Да. Они подозревались в организации выступления против ревштаба и исполкома. Получив от Следственной комиссии копию приговора, я отдал распоряжение о приведении приговора в исполнение, не интересуясь, есть ли достаточно данных для обвинения или это были ошибочные подозрения.

— А за что вы застрелили Михаила Ларича?

— За то, что он сказал партизанам, что «мы Тряпицына не увидим, как своих ушей».

— Перед отъездом в Благовещенск, куда вы собирались, был расстрелян доктор Кайдалов и командир минного отряда Мургабов. В чем состояла их вина?

— Мургабов расстрелян за то, что японцы прорвались через плохо поставленные минные заграждения на Амуре и как бывший офицер. Кайдалов — за отказ выехать на позиции и оскорбления командующего, то есть меня.

— Был ли разработан вами план эвакуации населения и войск перед уходом из Николаевска-на-Амуре? Куда намечалось направить поток беженцев?

— Такой план был. Его разработали члены ревштаба. Знал исполком и о том, что все ценности отправлены на прииск Софийский. Мы отправили туда 32 или 38 пудов золота, всю пушнину, много золотых и серебряных вещей и драгоценностей с отрядом Лаврова-Тигрова.

— Говоря о членах исполкома, вы, вероятно, имеете ввиду тех пять человек, которые возглавляли ревком перед эвакуацией? Остальных членов исполкома в городе уже не было.

— Да, я говорю о Лебедевой, Железине, Ауссеме, Перегудове и себе.

— Не говорили ли вам некоторые члены исполкома о вводе диктатуры и о том, что вы приблизили к себе недостойных людей, не внушающих доверия? Почему вы освободили от наказания явных преступников вроде Лапты и Нехочина?

— Они были нужны и полезны фронту. Лапту я знаю очень хорошо. Нехочин, по словам Лапты, был ему крайне необходим. Рыжов был пощажён потому, что уходил на фронт командиром корейского отряда. За Лаптой я знаю тяжелое преступление... Скажу только, что он, несомненно, достоин расстрела.

— Почему вы не пресекали бесчинства Биценко?

— Я об этом ничего не знал.

— Но ведь вам было известно, что Биценко ранее служил в калмыковской контрразведке? Как же вы оказали ему такое доверие, назначив командиром заградительного отряда?

— Мне стало известно про это, когда Биценко был уже на фронте».

Допрос Тряпицына закончился на рассвете, а 8 июля начался суд.

Кровь за кровь, смерть за смерть

После обеда 8 июля 1920 года партизан В. Клячин объявил открытым «суд 103-х». Его председателем избрали А.З. Овчинникова, заместителями П.Я. Воробьева и И.П. Мишина. В секретариат вошли В. Усов, Н. Лобанов, С. Птицын.

Судебное заседание проходило в здании сельской школы. Небольшое помещение не могло вместить всех желающих присутствовать на процессе. Кроме чле-

нов суда в помещении находились представители от различных организаций. Все остальные собрались на площади перед школой. У открытого окна помещения, где проходил суд, выставлено тело зарубленной 12-13 летней девочки, обнаруженной на берегу реки, за селом.

«Суд 103-х» не похож на обычный суд. Судейское разбирательство больше напоминает общее собрание какого-то большого коллектива. Нет ни прокурора, ни защитников. Эти функции выполняются делегатами, выбранными народом. Первым допрашивается в качестве свидетеля бывший председатель трибунала Б.А. Дылдин. *Допрос ведет Овчинников:*

«— Кем отдавались распоряжения о массовых расстрелах?

— Исключительно Тряпицыным.

— Известны ли вам случаи, когда расстрелы производились помимо следственной комиссии?

— Да, такие расстрелы были. Вероятно, они осуществлялись тряпицынской контрразведкой...

— Почему вы ничего не делали против массовых расстрелов?

— Когда Тряпицын отдал распоряжение бить направо и налево, я уже не мог сопротивляться и протестовать. Сопротивляться должна была масса.

— Могли ли вы протестовать против кровожадности Тряпицына?

— Нет, в последние дни я с ним поссорился, и он меня выгнал из Николаевска в Керби.

— Что вы сделали для прекращения террора в Удинске?

— Я там уже не работал. Но все же вырвал из лап Биценко детей, обреченных Сасовым на расстрел, и привез их в Керби.

Допрос Тряпицына проводил П. Воробьев.

— К какой партии принадлежите?

— Анархист-индивидуалист.

— Признаете ли себя виновным в уничтожении мирного населения, японцев, проживающих в Николаевске?

— Безусловно, не признаю.

— По чьему распоряжению сожжен город Николаевск?

— По решению нашего ревштаба.

— Кто распорядился уничтожить мирное население Сахалинской области?

— Уничтожался лишь контрреволюционный элемент.

— По чьему распоряжению в Николаевске были уничтожены видные советские деятели, товарищи Будрин, Иваненко, Мизин и другие? В чем они обвинялись?

— Они расстреляны по моему распоряжению.

— Для чего вы окружили себя преступными элементами вроде Лапты, Биценко, Рыжова, Нехочина и т.д.?

— О преступлениях Лапты в Хабаровске я знал. О других ничего плохого не знал.

— Была ли у вас своя контрразведка?

— Была. Всех не помню. Был в ней Лапта. Затем Харьковский. Кажется, Ольшанский был. Чуть ли не был Сасов. Эта небольшая кучка людей имела наблюдение за всеми, между прочим, и за следственной комиссией.

Тряпицын задает вопрос Воробьеву:

— Прошу предъявить мне официальное обвинение, чтобы я знал: в чем меня обвиняете?

Воробьев, показывая рукой на открытое окно в школе, возле которого лежит тело убитой девочки, говорит:

— Вы обвиняетесь как диктатор, уклонившийся от выполнения основных директив советской власти, как виновник уничтожения мирного населения. Жертвы налицо...

— Я и не отрицаю, что был диктатором и что не шел по программе большевиков. Но прошу объяснить мне, я обвиняюсь как революционер или как контрреволюционер?

— За явный подрыв доверия к коммунистическому строю, неоправданный, жестокий террор, в ходе которого погибли невинные люди, за отказ следовать курсом советского правительства и коммунистической партии мы вас судим как контрреволюционера.

Затем допрашивалась Н.М. Лебедева. Воспроизводить весь ее допрос не имеет смысла. Она уклонялась от ответов на поставленные вопросы или отказывалась отвечать.

Воробьев допрашивает председателя Сахалинского облисполкома Ф.В. Железина:

— Вы член какой партии?

— Большевик.

— Признаете ли вы себя соучастником Тряпицына?

— Нисколько.

— Почему сожжен город Николаевск-на-Амуре, по чьему распоряжению?

— По личному распоряжению Тряпицына.

— Было ли на это распоряжение из центра?

— Ничего не было.

— Почему были расстреляны Будрин, Мизин и другие?

— Я считаю погибших Будрина, Мизина советскими работниками. По согласованию с Дылдиным, при эвакуации города, я предлагал Тряпицыну освободить Будрина, но на моем докладе об этом Тряпицын наложил резолюцию — расстрелять.

Допрашивается Оська Крученный (Трубчанинов). Ему идет седьмой десяток. С 1874 года жизнь его шла по тюрьмам и острогам Сахалинской каторги за уголовные преступления.

— Принимали ли вы участие в убийстве женщин и детей?

— Рубил. По приговору Сасова, Куликова и других.

— Рубили?

— Рубил. Нам это в привычку».

Допрос окончен. Зачитывается и единогласно принимается всеми членами суда приговор, в котором сказано, что бывший командующий партизанскими войсками Николаевского округа Яков Тряпицын обвиняется в том, что (стилистика приговора сохранена): «...с 22 мая по 2 июня 1920 года в городе Николаевске-на-Амуре и в период с 22 мая по 4 июля включительно в пределах Сахалинской области, допустил ряд беспричинных арестов и расстрелов мирных граждан и их семейств, разными, частью, не выясненными должностными лицами, то есть, вбездействии власти. В том, что он, Тряпицын, 27 мая отдал распоряжение расстрелять ряд активных советских работников, коммунистов, как то — Будрина, Мизина,

Иваненко и других без достаточных и даже без всяких к тому оснований, то есть, в убийстве и превышении власти и в активной борьбе с коммунизмом.

В том, что он, Тряпицын, за этот же период времени отдал ряд распоряжений и указаний подчиненным лицам по массовому уничтожению мирных граждан и их семейств в городе Николаевске-на-Амуре и в сельских местностях Сахалинской области, каковые распоряжения большей частью уже приведены в исполнение, то есть, в превышении представленной ему по должности власти, в убийстве и в призыве к совершению убийств и насилия.

В том, что он, Тряпицын, отдал ряд распоряжений и указаний по расстрелу некоторых товарищей партизан, разных частей, без достаточных и даже без всяких к тому оснований, то есть, также в превышении власти, в убийстве и в призыве к убийству.

В том, что он, Тряпицын, за все время состояния в должности командующего войсками Красной Армии, отклонился от направления политики Советской власти, оказывал давление на должностных лиц, явно подрывая доверие к коммунистическому строю, то есть, в активном выступлении против власти Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Лебедеву, занимавшую должность начальника штаба Красной Армии Николаевского округа,

Харьковского, заведующего отделом вооружения того же штаба, Оцевилли, комиссара труда Сахалинской области,

Железина, председателя областного исполкома,

Деда-Пономарева, комиссара продовольствия Сахалинской области,

Сасова, командующего Амгуно-Тырским фронтом —

в соучастии в вышеназванных преступлениях.

Трубчанинова, — в убийстве и истязаниях мирных граждан, совершенных по наущению.

Народный суд признал ТРЯПИЦЫНА, ЛЕБЕДЕВУ, ХАРЬКОВСКОГО, ЖЕЛЕЗИНА, ОЦЕВИЛЛИ, САСОВА И ТРУБЧАНИНОВА в выше указанных преступлениях виновными, а ДЕДА-ПОНОМАРЕВА в них не виновным, а виновным в активной защите власти Тряпицына.

На основании веления своей совести ПОСТАНОВИЛ: за содеянные преступления, повлекшие за собой смерть около половины населения Сахалинской области, разорившие весь край, постоянно подрывавшие доверие к коммунистическому строю среди трудового населения области и могущие нанести удар по авторитету Советской власти в глазах всего мира, граждан ТРЯПИЦЫНА Якова, ЛЕБЕДЕВУ Нину, ХАРЬКОВСКОГО Макара, ЖЕЛЕЗИНА Федора, ОЦЕВИЛЛИ-ПАВЛУЦКОГО Ивана, САСОВА Ефима и ТРУБЧАНИНОВА подвергнуть СМЕРТНОЙ КАЗНИ через расстреляние, а ДЕДА-ПОНОМАРЕВА подвергнуть тюремному заключению с назначением на общественные работы вплоть до восстановления связи с г. Благовещенском».

Затем сообщается, что приговор, после утверждения его военревштабом, будет приведен в исполнение сегодня же вечером.

На второй день судили еще 10 человек, которых тоже приговорили к расстрелу.

В суд стали поступать заявления от коллективов, родственников, знакомых о помиловании арестованных партизан. Для успокоения масс, суд перестал выносить «расстрельные» решения. Объявлялись сроки наказания с отбытием в тюрьмах Благовещенска. Такие решения были вынесены более чем 60 партизанам, в том числе Дылдину Борису — председателю ревтрибунала г. Николаевска-на-Амуре, Беляеву Ефграфу — председателю ВЧК, Виноградову Павлу — члену ВЧК Николаевска и председателю ВЧК с. Керби, Пономареву Степану — комиссару продовольствия Сахалинского облисполкома, Павличенко Федору и Стрельцову-Курбатову Сергею — бывшим командирам отрядов.

Эту группу сразу же отправили под конвоем в Благовещенск. Арестованных конвоировал отряд корейцев. Как рассказывал мне Виноградов, они были предупреждены, что их в тайге должен уничтожить вооруженный отряд Бачеева. На зимовье Горелое они разоружили конвойную команду и вместе с ними другим маршрутом вышли на Амур и присоединились к партизанам Бойко-Павлова.

Политическую оценку событиям в низовьях Амура дала Приморская конференция РКП (б), которая проходила 10-11 июля 1920 года во Владивостоке. В резолюции конференции говорилось, что Тряпицын и его сообщники, действуя от имени советской власти, своими анархическими действиями подрывали доверие к ней

трудящихся, дискредитировали ее в глазах народа, что их действия могли вызвать возмущение против советской власти. «Пораспоряжению этих лиц без всяких оснований в числе массы убитых были женщины, дети, лица общественных и социалистических партий, члены РКП(б)... подобные действия возможны лишь вследствие недостаточного влияния нашей организации среди трудящихся в том или ином месте».

Эта официальная оценка сохранилась до сих пор.

Заключение

В завершение позволю высказать несколько замечаний и ответить на вопросы читателей, когда мои материалы публиковались в газете «Время ДВ» (2004-2005 гг.).

Я не рассматриваю свой скромный труд как завершение изучения истории гражданской войны в низовьях Амура, а скорее как предложение к молодым историкам продолжить работу над этой проблемой. В этой связи я сознательно отказался в опубликованной рукописи от ссылок на архивные и иные документы. Сегодняшние молодые историки прочитают имеющиеся в архивах документы без идеологического пристрастия к событию.

Редакция газеты «Время ДВ» получила несколько писем от читателей.

Преподаватель истории одной из хабаровских школ спрашивает: «Правда ли, что японцы удерживали Северный Сахалин за николаевские события до 1925 года?»

Доктор исторических наук, профессор А. П. Шурыгин (мой научный руководитель во время учебы в аспирантуре МГУ) незадолго до своей смерти попытался ответить на вопрос, насколько Николаевский инцидент (март 1920 года) повлиял на российско-японские отношения. Закончить исследование Анатолий Петрович не успел, я приведу отдельные фрагменты из его рукописи.

«Можно смело утверждать: японская военщина, принеся на алтарь отечества гибель японского гарнизона в Николаевске-на-Амуре, получила предлог к продолжению интервенции, продлив гражданскую войну в России.

В марте 1920 года в Татарский пролив были направлены японский броненосец «Микаса» и крейсер «Мисами». 21 апреля в Александровске-на-Сахалине был высажен двухтысячный десант и началась длившаяся пять лет оккупация Японией северной части острова Сахалин.

27 апреля японское посольство в Лондоне опубликовало официальное сообщение о событиях в Николаевске-на-Амуре и в связи с этим об отправке туда своих войск для поддержания там «порядка и защиты жизней японских подданных».

В декларации от 3 июля 1920 года японское правительство еще раз ссылается на Николаевский инцидент как первопричину нахождения своих вооруженных сил на территории российского Дальнего Востока.

Впоследствии Япония неоднократно поднимала эту проблему на различных международных конференциях, в частности на Дайренской (июль 1922 г.), Вашингтонской (ноябрь 1921 — февраль 1922 гг.) и Чанчуньской (2-26 сентября 1922 гг.) конференциях.

На Дайренской конференции делегацию ДВР возглавлял заместитель премьер-министра Ф.Н. Петров. Военным советником делегации был В. К. Блюхер. Японская делегация выдвинула «17 требований» правительству ДВР. В частности, при решении николаевского вопроса ДВР должна была передать Японии северную часть Сахалина в аренду на 80 лет, как «компенсацию за понесенные японскими подданными убытки во время николаевских событий».

В моем личном архиве есть подлинник «Справка профессора Ф.Н. Петрова о николаевских событиях», в которой он пишет, что на японское требование о компенсации за гибель японских граждан в Николаевске-на-Амуре, он ответил требованием компенсации «за гибель граждан ДВР и разрушения, произведенные японцами на Дальнем Востоке за период интервенции. Так как мои требования во много раз превысили японские, то они сняли с обсуждения вопрос о николаевских событиях. Особенно они вынуждены были это сделать, когда я им документально доказал, что японский гарнизон первым начал военные действия против советских войск, находящихся в Николаевске-на-Амуре».

Снятие с обсуждения вовсе не означало, что японцы приняли нашу версию николаевских событий. Дайренская конференция закончилась безрезультатно.

Вашингтонская международная конференция проходила без участия России и правительства ДВР. Николаевские события рассматривались на этой конференции в контексте противостояния США и Японии на Тихом океане. Японский делегат Сидехара объяснял, почему японцы не уходят с российского Дальнего Востока. Касаясь николаевских событий, Сидехара заявил, что для Японии «...оставалась лишь одна альтернатива, а именно: занять в качестве репрессий некоторые пункты русского Сахалина, где было совершено правонарушение, впредь до установления в России ответственной власти, с которой оказалось бы возможным снестись в целях получения должного удовлетворения».

На конференции в Чанчуне объединенная делегация РСФСР и ДВР предложила не связывать николаевские события с вопросом о Северном Сахалине. Японская делегация отказалась дать согласие на эвакуацию с Северного Сахалина, вновь заявив, что его оккупация связана с «Николаевским инцидентом».

Северный Сахалин Япония удерживала в своих руках, хищнически эксплуатируя его богатства, вплоть до середины мая 1925 года».

Согласитесь, прекрасная тема для продолжения исследований.

Хабаровчанин Вадим Силенко спрашивает: «Правда ли, что люди, судившие Тряпицына, — японские шпионы?» Я не могу оставить без ответа этот вопрос.

Поведение этих людей после расстрела Я. Тряпицына — действительно, странное. Основные действующие лица Т. Андреев — организатор восстания, председатель суда А. Овчинников после расстрела Тряпицына действительно ушли за границу. Доказательств достаточно много. Так, А. Овчинников в 1935 году опубликовал в США свои воспоминания: «О красном партизанском движении на российском Дальнем Востоке».

Заместитель председателя суда П. Воробьев уже в сентябре 1920 года в Николаевске-на-Амуре, занятом японцами, давал показания гражданской комиссии по расследованию «Николаевской трагедии». Его высказывания представляют большой интерес в оценке действий командующего партизанской Красной армии, его «внешних» связей.

Воробьев, в частности, сказал, что от советских властей в Благовещенске было получено указание, что николаевские беженцы будут приняты только на определенных условиях, таких как сдача золота и др. Эта новость и осознание парти-

знами, что их товарищи и близкие стали жертвами Тряпицына, привело к замыслу свергнуть Тряпицына. Он был успешно осуществлен под руководством партизана Андреева.

Когда Тряпицын был в Николаевске, он имел прямую связь по проводу с Хабаровском и через него с Москвой, телеграммы из Москвы приходили прямо к Тряпицыну, и в одной из них Ленин назначил его командующим местными советскими войсками.

После расправы с Тряпицыным Андреев, новый командир, послал письмо в большевистский областной исполнительный комитет в Благовещенске, в котором ситуация выставлялась в выгодном для себя свете. Он указал, что Тряпицын и его окружение были наказаны.

То, как относились к участникам борьбы за власть Советов в Низовьях Амура, можно проиллюстрировать на одном примере. Сегодня в Хабаровске живет Герасименко Наталья Михайловна, заведующая кафедрой маркетинга Академии экономики и права. Ее девичья фамилия... Тряпицына. Яков Тряпицын — ее дядька по отцовской линии. Можете себе представить: эта высокообразованная, интеллигентная женщина до нашей публикации ничего не знала о его судьбе.

Так власть выкорчевала историческую память своего народа...